

**БЛОКАДА
МОЛЧАНИЯ**
КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

[Коррупция — достала. Ответ — жестокий]

Мстители

Кирилл Казанцев

Блокада молчания

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Блокада молчания / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Мстители)

Руководящая элита небольшого черноморского городка в шоке. Все их преступления и грязные делишки стали достоянием общественности. Дерзкие, хитрые, неуловимые мстители Никита и Ксюша сняли на видео убойный компромат на чиновников, а затем выложили ролики в Интернет. «Героями» разоблачительных материалов стали начальник местной полиции, пытавший журналиста; жулик-банкир Дворский; лживый прокурор Петров; главный судья города, страдающий преступными пороками. Не ушел от справедливого возмездия и насквозь продажный мэр Громов. Тысячи пользователей Интернета увидели его в корыте для кормежки свиней, испачканного в навозе... Мстителям удалось бы незаметно покинуть город после своей миссии. Но по странному стечению обстоятельств Ксюша вдруг становится жертвой серийного маньяка, который долгое время зверствовал в местных парках и скверах...

© Казанцев К., 2013

© Эксмо, 2013

Кирилл Казанцев

Блокада молчания

Будьте любезны с людьми во время вашего восхождения – вам придется встретиться с ними, когда вы будете спускаться.

Марк Твен

Пятница, 17 августа. Где-то между Туапсе и Геленджиком

Ленивые волны облизывали каменистый островок. День клонился к закату, мутное светило зависло над скалой. В небе не было ни облачка, знойная дымка уходящего дня колыхалась в воздухе. Прозрачная вода переливалась перламутром, отлично просматривалось каменистое дно. Шныряли стайки шустрых рыбешек, шевелились на затопленных окатышах полосатые крабы. Море уносилось в бесконечность, меняя цвет с неустойчивой бирюзы до насыщенной сини, и где-то очень далеко смыкалось с небом. Картину медитативного спокойствия нарушала лишь моторно-парусная яхта с высоким бушпритом, застывшая в водах крохотной бухты. С трех сторон живописный залив окружали губчатые, похожие на истертые мочалки валуны, обросшие кораллами под водой. Глубина позволяла небольшому судну подойти вплотную к берегу, и даже замысловатые каменные головы, выступающие из воды, не служили препятствием для опытного штурмана.

Опознавательных знаков на борту не было, не считая трехцветного российского флага, закрепленного на макушке мачты. В рубке, совмещенной с надстройкой, копошилось мускулистое тело. Обтекаемый полубак венчала фигура полного мужчины средних лет в темных очках, с хорошо сохранившейся шевелюрой. Из одежды он носил лишь мешковатые штаны с болтающимися завязками и безрукавку с камуфляжными разводами. Мужчину звали Вровень Павел Макарович, и в местных официальных кругах он пользовался немалым авторитетом. Он держал маленькую удочку, временами поглядывал на поплавок (рыба в этот день взяла таймаут) и на городок с названием Кабаркуль, вольготно разлегшийся в миле от острова. На всем трехкилометровом пространстве виднелись дома и сады. Черепичные крыши карабкались по террасам на покатые горы, заполняли седловины и впадины между возвышенностями. С моря город выглядел просто идиллически. Оптимальное место для работы и проживания. Смотреть на это можно было часами, заряжаясь спокойствием и умиротворенностью. Павел Макарович потянулся к борту, где разложил свои курительные принадлежности, сунул в рот бирманскую сигару, щелкнул зажигалкой с гравировкой. Втянул в себя дым, наслаждаясь вкусом и послевкусием. Такими штуками его снабжали подчиненные, проводящие отпуска в Юго-Восточной Азии. Однажды распробовав, он теперь давал им строгие наказания без сигар не возвращаться, везти коробками. Не развалиться – у этих бездельников еще отпуска существуют, в отличие от начальника, который молотит как проклятый, всю жизнь в делах, и не может себе позволить полноценного отдыха...

Мужчина нахмурился: в идиллической картине мира что-то менялось. От городского причала, уставленного маломерными судами, к острову направлялась крытая тентом моторная лодка. Она рассекала волну и быстро сокращала расстояние. Павел Макарович поморщился, подумав, когда же это кончится, снова клятая работа без передышки! Губы поджались, тень досады легла на загорелое чело. А лодочник, сократив дистанцию, сбросил скорость и подплыл по дуге. «Хватит ли смекалки у парней?» – невольно задумался Павел Макарович. Вроде хватило, не светиться же перед городком (пусть и далеко, но зрячий увидит), на медленных оборотах посудина обогнула нос яхты и пристала к правому борту. Теперь от нежелательных взоров ее закрыло небольшое, но элегантное судно для морских прогулок. Оживился рулевой на капитанском мостике, выставил любопытную голову. На корме показался еще один, не привыкший мозолить глаза начальству. Взгляд хозяина положения переместился на попла-

вок. Невольно стукнуло сердце – не было поплавок на месте! И тут он вынырнул, покачался на волне и снова погрузился в пучину. На лбу мужчины выступил пот. Он потащил удило, явно чувствуя, как в воде что-то яростно сопротивляется, ходит кругами, делает все возможное, чтобы не оказаться на поверхности. Не дельфин же, не русалка, обычная рыба! Он сделал пружинистый рывок, и засеребрилась чешуя, забились в припадке упитанная рыбешка с выпученными глазами. Но, как обычно, сорвалась, пока он смаковал, любуясь ее плясками, стукнулась о леер, шлепнулась в воду и была такова. Мужчина со злостью бросил удочку, побрел на соседний борт.

– Ерунда, Павел Макарович, – пряча усмешку, пробормотал подчиненный, окопавшийся на корме, – когда-нибудь еще поймаете.

Он покосился на сержанта без всякой симпатии, подумав, не распустил ли воинство. Чай, не в эру торжества демократии живем...

– Товарищ полковник, мы доставили попрыгунчика, – сообщил из лодки подтянутый мужчина с загорелой физиономией.

– Посторонние не видели? – проворчал Вровень. Хотя, казалось бы, о чем переживать? В родной-то вотчине бояться посторонних глаз?

– Не, товарищ полковник, никто не видел, – помотал головой «унтер-офицер» полиции. И не удержался от скабрезной ухмылки: – А если кто и видел, Павел Макарович, он ведь умрет, но не признается.

«Идиоты», – подумал полковник.

– Так выгружайте клиента, Сидоркин, – всплеснул он руками. – Чего ждем? На голгофу его!

– А куда это? – замешкался не слишком башковитый подчиненный. – На мачту, что ли?

– Можно и на мачту, – раздраженно скривился Вровень. – В каюту тащите, идиоты.

Настроение у Павла Макаровича не заладилось с раннего утра – раздражало все, на что устремлялся взгляд. То ли предчувствовал что-то организм, то ли день был не его...

Под тентом в моторной лодке вспыхнула возня. Такое ощущение, что просилось на волю крупное животное – оно мычало, отбивалось, сучило задними конечностями. Четверо помощников в штатском, в их числе «безусловный» громила, выше всех на голову, с невозмутимой миной и убийными кулаками, вытащили из-под тента мужчину хлипкого телосложения со связанными руками. На голове у него красовался картофельный мешок.

– Сопротивлялся при задержании, товарищ полковник, – объяснил Сидоркин. – Бился как лев, чуть Ващенко без достоинства не оставил. Пришлось надеть на задержанного смирительную рубашку.

Доставка «куда надо» вылилась в затяжную душераздирающую процедуру. Двое перескочили на борт, стали принимать у товарищей брыкающееся туловище, попутно отвешивая оплеухи. Видать, бедняга понимал, что ничего утешительного ему не светит. В ответственный момент передачи груза он чуть не вывалился за борт, прокусил здоровяку руку через мешок. Тот даже не поморщился, схватил пленника за шиворот и без особых церемоний швырнул на яхту.

– Резистор оказал сопротивление... – хихикал, отдуваясь, плечистый Ващенко – лучшие годы жизни, судя по бронзовым бицепсам, он провел под штангой в тренажерном зале.

– Отбился от рук? – вторил ему Сидоркин, поднимая пленника за шиворот и посылая вдале. – Не беда, мы его ногами попробуем...

Совместными усилиями добычу заволокли в надстройку, и какое-то время оттуда доносились звуки борьбы. Павел Макарович досадливо качнул головой, изрек в пространство:

– Сами виноваты, Лев Васильевич. Вас никто не принуждал к противоправным деяниям, могли бы жить нормальной жизнью, наслаждаться нашим раем, как все нормальные люди.

Он затушил сигару, шагнул к двери в надстройку, замешкался, наслаждаясь видом вечернего черноморского городка. Неожиданно послышался смех. «Подловила ведь, чертовка!» – подумал полковник. Фигуристая блондинка в недорогом купальнике телесного цвета спрыгнула в воду с куска скалы, зависшего над бухтой. Взметнулась туча брызг, и Вровень отпрянул, едва не разбив затылок.

– Поймала, поймала! – вынырнула лукавая мордашка и заразительно засмеялась.

И где ее носило последние полчаса? Лазила по скалам, учиняя набеги на гнездования перелетных птиц? С Люсьен такое бывает. Как упрется единственной извилиной в какую-нибудь непробиваемую дурь. И почему он так благоволит этой белокурой бестолочи с ветром в голове?

– Люсьен, ты когда-нибудь допрыгаешься, – беззлобно проворчал Павел Макарович, утирая соленую влагу с лица. – Учти, если будешь так себя вести...

– И что тогда, Павел Макарович? – гоготнуло белобрысое чудо. – Не возьмете с собой в эмиграцию?

Да типун ей на язык, этой дуре. Надо же до такого додуматься.

– Павел Макарович, а кого прибрали ваши ухари? – Блондинка прильнула к борту, держась за якорную цепь. – У вас там вечеринка, да? – Она мотнула головой, пофыркала, и в шаловливых глазенках мелькнула искра разума.

– Не твоего ума, Люсьен, – буркнул Вровень. – Ты бы это... – Он помешкал, окинул цепким взором каменистый антураж, море, над которым с криками носились чайки. – В общем, поплавай тут, на борт пока не лезь, но далеко не уплывай, договорились? С черепашками там пообщайся, с птичками... Локтионов! – он вскинул голову к рубке, там мгновенно напрягся и сделал учтивую мину рулевой. – Кончай доламывать свой компас, хрен с ним, не заблудимся в трех волнах. Следи, чтобы Люсьен не понесло, куда не надо. Брынец! – И сержант на корме, неплохо гармонирующий с алюминиевым рундуком, соорудил аналогичную мину. – Бдеть во все концы и никуда с палубы не отлучаться. Всем понятно? Бездельники, мать вашу... – И, фыркнув в адрес непонятно кого, полковник Вровень полез в надстройку.

Хорошо хоть пленку постелили. Ну что за разгильдяи, право слово. Типичный русский бардак. Когда он спустился в неплохо обставленную кают-компанию на собственной, недавно приобретенной (пока еще и названия не придумал) яхте, эти экзекуторы уже оборудовали и оснастили полигон. Раскатали пленку, бросили на нее человека, с головы которого стащили картофельный мешок, привязали руки к крюкам на иллюминаторах для крепления жалюзи, ноги – к ножкам кушетки, обтянутой качественной кожей. Он корчился на полу, оборванный, распятый, как звезда, обливался потом. Глаза закатывались, дыхание тяжелело. Казалось, он теряет сознание. Мужчине было под сорок – худощавый, с венами на руках, на голове полнейший беспорядок, в лице ярко выраженная асимметрия, глаза выпуклые. Еще и истязатели потрудились, превратив лицо в отбивную и приделав под глазами два роскошных синяка.

– Чтобы порядок после вас остался, господа полицейские, – недовольно проворчал Павел Макарович. – А то знаю вас, нагадите – и ходу, а техник, между прочим, нет. – «А Люсьен хрен заставишь», – подумал он. Павел Макарович всмотрелся: – Эй, терминаторы, вы не сильно этого подонка отхайдокали, он же богу душу отдает...

– Не волнуйтесь, товарищ полковник, все в порядке, – невозмутимо пробасил громила Мартынов – ходячий славянский шкаф с кулаками-арбузами. Интеллект – куриный, но смекалка с интуицией на высоте, а еще пробивная мощь и весьма убедительный экстерьер. – Сейчас мы его водичкой польем, и вырастет огурчик...

С этими словами он беззастенчиво забрался в зеркальный бар (на миг мордovorотов стало двое), выхватил оттуда ведро с колотым льдом и высыпал на физиономию распятого гражданина. Оперативники сдавленно захихикали, но сработало – пленник задергался, рас-

пахнул глаза. И вдруг застыл. Дыхание вроде бы нормализовалось, заблестели глаза, обведенные морщинистой синью.

– Суки вы... – сообщил он тихо, но вполне отчетливо.

Четвертый опер, по фамилии Рябинчик, на вид представительный и «человекообразный», сокрушенно вздохнул, сжал кулак, но поменял намерения под выразительным оком хозяина.

– Обидно, Лев Васильевич, что мы с вами снова вынуждены встретиться, – мягко и вкрадчиво поведал полковник, вставая над поверженным телом. – С вами проводили душевные профилактические беседы, пытались вас увещевать, надавить на совесть и благоразумие. Но все, как говорится, тщетно. Ваше поведение не выдерживает критики и становится опасным для общества.

– Для общества, полковник? – ощерился Лев Васильевич. – Какой вы циничный... Ваше общество погрязло в махинациях, злоупотреблениях, кровавых злодеяниях и чувстве безнаказанности...

– Фу, какая патетика, – поморщился полковник. – Вы же не перед компьютером, Лев Васильевич, ей-богу... Такое ощущение, что вы еще не выбрались из девяностых, правдурб вы наш. До вас не доходит, что мы живем в другое время, властвуют иные законы, изменились люди, изменилось ВСЕ – и только вы продолжаете коптить по старинке. Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Изгой, белая ворона, эстетствующий алкоголик и борец за справедливость – бывший журналист Зенкевич Лев Васильевич, изгнанный из всех средств массовой информации, где он имел честь трудиться, в том числе из всеми нами любимого «Вестника Кабаркуля», не собирается на покой. Он не хочет жить спокойной жизнью, выращивать виноград, яблоки и груши. Он собирает клеветнические, так называемые компрометирующие, материалы на приличных людях нашего города, в том числе на своего покорного слугу, придает им кажущуюся убедительность и прикладывает усилия, чтобы сбыть их в столичные следственные органы, в частности в Генпрокуратуру и в Главное следственное управление Следственного комитета. Зачем, Лев Васильевич? Ведь, согласно имеющейся информации, у вас весьма нездоровое сердце. Оно не тянет на пламенный мотор...

– Приличные люди? – Зенкевич закашлялся, лицо побагровело, глаза налились кровью. – Вы издеваетесь, полковник? Да таких прохвостов, как вы и ваша алчная компания, дорвавшаяся до власти, поискать надо... Кушевская по вам плачет... Впрочем, вынужден признать, полковник, участь Кушевской вам и вашим корешам пока не грозит. Слишком сильны у вас покровители в краевой администрации и выше, слишком серьезные дела вы тут обделываете, чтобы ваши коллеги из центра могли вас просто слить.

– Вот же падаль... – Сидоркин двинул страдальца по бедру, тот взвыл, начал извиваться, как червяк, захлебнулся слюной. Наклонился Ващенко, отправил в челюсть журналисту кулак, удар оказался выверен, ничего не треснуло. Затылок Зенкевича отпрыгнул от пола, как резиновый мячик, несчастный завыл, не в силах обуздать дикую боль. «Интеллигентно» улыбнулся опер Рябинчик. Выпятил губу здоровяк Мартынов, решивший временно не опускаться до избиения беззащитного.

– Не любите вы свой родной город, Лев Васильевич, не любите, – посетовал Вровень, сооружая ироничную полуулыбку. – Итак, поговорим о вашей последней затее, которую мы, надо признаться, едва не проворонили. Вы собрали клеветнические материалы на уважаемых людей города Кабаркуля. Тщательно это дело систематизировали, снабдили так называемыми доказательствами, датами, номерами счетов, сопроводили ваш опус ужасными криминальными подробностями, призванными внести убедительность в ваше творение, и сделали попытку переслать свое сочинение посредством Мировой паутины в одно из подразделений Следственного комитета. Попытка не увенчалась успехом, поскольку материалы перехватили здравомыслящие люди, действующие с нами заодно. Нехорошо, Лев Васильевич. Вы сде-

ляли попытку вовлечь в криминальную орбиту вашего покорного слугу – начальника полицейского управления Кабаркуля, городского главу господина Громова, ряд уважаемых государственных чиновников из мэрии и городского исполнительного комитета, наших славных депутатов, начальников нескольких служб, в том числе наркоконтроля, районного отделения Роспотребнадзора и санитарно-эпидемиологической службы. Вы опорочили судью Жереха, городского прокурора Петрова совместно со всеми его заместителями, председателя совета народных депутатов Заклинаева, руководителя отделения нашей правящей партии Бочкаря и многих других, без сомнения, достойных представителей руководящей верхушки нашего города. Страшные слова, Лев Васильевич. О круговой поруке, о творящихся в городе бесчинствах, о погрязшей в грехе элите, о надежных покровителях в Москве и крае...

– Послушайте, полковник, если я клеветник, то почему я здесь? – проговорил Зенкевич. – Весь избитый, окровавленный, церберы над душой стоят, посмотрите, как им хочется превратить меня в котлету. Отправьте в камеру, назначьте открытый суд, предоставьте адвоката. Полноте, полковник, для кого вы ломаете комедию? Посторонних нет. А о том, что происходит в городе, вы знаете не хуже меня. Знаю, что прокололся и в живых вы меня не оставите. Зачем эти трогательные сцены, полковник? Растягиваете удовольствие?

– Удовольствие среднее, Лев Васильевич. – Голос полковника отвердел, послышались металлические нотки. Он придвинулся поближе, навис над истязуемым. – Хорошо, мы не будем ломать комедию с трагедией. Вы и сами догадались, почему вы здесь, а не в камере или, скажем, не в земле, придавленный тяжестью бетонной плиты. В вашем послании, адресованном «на деревню дедушке», было много настораживающих подробностей – к примеру, номера счетов и названия банков, шокирующая в своей точности циркуляция денежных потоков, удивляющие подробности личной и общественной жизни отдельных фигурантов вашего эссе. Допускаю, Лев Васильевич, вы не такой уж бесталанный, вы въедливы и настырны, невзирая на ваши недостатки, в том числе прогрессирующую тягу к алкоголю. Вы неплохой профессионал в своей области. Но украсить свое творение такими подробностями, знаете ли, – это чересчур. Сорока на хвосте принесла? Добыть подобную информацию в одиночку вам не по силам. Никак, уж извините. У вас обязательно должен быть сообщник или сообщники, владеющие секретными сведениями. Если отместить лиц, которым вы предъявляете обвинения, то таких персон в городке наберется едва с десяток. Заместители, секретари, доверенные лица, члены семей. Скажите, Лев Васильевич, кто этот нехороший человек или эти нехорошие люди? И не говорите, что действовали в одиночку. Простите, не поверим.

– Почему я должен раскрывать вам тайну? – криво усмехнулся Зенкевич, справляясь с приступом кашля. – У вас работают неплохие сыщики, Павел Макарович. Один капитан Дементьев чего стоит... Отменный сыскарь, куплен и продан со всеми потрохами... Вот пусть они и работают, глядишь, чего-нибудь нароют...

– Но вы не скажете, Лев Васильевич? – с грустью в голосе уточнил Вровень.

– Зачем, полковник? – Пленник с натугой продохнул. – Какой мне с этого интерес? Вы меня все равно убьете...

– Убить можно по-разному, господин журналист, – назидательно вымолвил полковник. – Можно быстро и практически безболезненно, без пыток. А можно так, что с вас сойдет семь потов, вы проклянете тот день, когда родились на белый свет, а заодно – свое патологическое упрямство. Ваш выбор, Лев Васильевич? Информация должны быть правдивой, а не какой-нибудь уверткой. Раскрываете личность ренегата, и расстаемся друзьями. Или продолжим наше неприятное общение?

Несколько мгновений царило тягостное молчание.

– Трудно с вами работать, Лев Васильевич, – посетовал полковник. – Вас невозможно шантажировать жизнью и здоровьем близких. С вами никто не может ужиться – по причине вашего скверного характера. Жена ушла четыре года назад, забрав с собой совместно нажитого

ребенка, в данный момент обретается в Греции с новоиспеченным мужем – местным жителем. Мы можем дотянуться до Греции, но такая морока. Родители ваши умерли, немногочисленные родственники разбросаны по свету. Была у вас любовница – некая Казанюк Ульяна Георгиевна, учительница младших классов, не бог весть какая умница и красавица, но даже с ней вы умудрились разлаяться и порвать отношения. Какой смысл шантажировать вас этой Серой Шейкой? Облегчите же участь всех присутствующих, Лев Васильевич, раскройте нам загадочную личность информатора.

Искалеченный мужчина перестал дрожать. Создалось впечатление, что он задумался. Набухла жилка на виске, казалось, сейчас она прорвет кожу. Последовал новый приступ кашля, с пеной, мокротой, с беспокойным ерзанием. Люди, сгрудившиеся над телом, благоразумно помалкивали, хотя в лицах отдельных присутствующих явственно сквозило желание ускорить процесс «уразумения».

– Удалите своих цепных псов, полковник... – с какой-то тоскливой обреченностью вымолвил Зенкевич. – Я скажу это только вам.

Оперативники недоуменно переглянулись, уставились на шефа. Полковник Вровень скептически пожевал губами. А пленник расслабился, в измученном лице проступило что-то библейское. Полковник выразительно стрельнул глазами, мол, отойдите, и подчиненные неохотно потянулись к двери, где и обосновались любопытствующей кучкой. В заявлении «потерпевшего» присутствовала логика – незачем так огульно верить низовым работникам страшную тайну. Полковник наклонился над поверженным. Тот подался вверх, что-то прохрипел, вздулись жилы, глаза полезли из орбит. Павел Макарович ничего не понял, досадливо прокряхтел, опустил на колени, невольно повернувшись ухом к говорящему. А тот тянулся вверх, надрывался из последних сил, шепча какие-то слова.

– Не напрягайтесь, Лев Васильевич, не надо волноваться, – вкрадчиво сказал полковник, – все в порядке, вы у надежных людей, привыкших держать свое слово. Повторите, пожалуйста, если вам не сложно...

И наклонился совсем низко, не думая о последствиях. И тут словно змея в предсмертных муках совершила свой последний бросок! Оторвалась от пола верхняя половина туловища, щелкнула челюсть. И полковник взревел от боли, когда острые зубы прокусили мочку уха. Он отпрянул, завизжал, схватившись за пострадавший орган. Кровь ударила фонтаном. Полковник свалился на бок, стал вертеться, орошая пространство кровью. А Зенкевич откинул голову и хрипло засмеялся. Оперативники оторопели. Пока моргали, вникли в нестандартную ситуацию, бросились спасать достоинство шефа – все уже закончилось. Они набросились на хохочущего Зенкевича, принялись остервенело его лупить, входя в исступление, грязно матерясь, по ногам, по рукам, по щуплому туловищу. Все могло закончиться быстро и плачевно, но тут прохрипел Павел Макарович:

– Хватит... Оставьте его, кретины...

Воцарилась тишина. Только избитый Зенкевич жалобно постанывал. Оперативники застыли в ожидании. Павел Макарович поднялся, зажимая ухо, он весь был испачкан кровью, доковылял до резного трельяжа, выдернул ящик, тот вывалился вместе с содержимым. Он схватил первое попавшееся полотенце, зажал пострадавший орган. Лицо исказилось гримасой ненависти. Но он обуздывал желание одним ударом ноги припечатать горло журналиста к полу. Выдержке полковника стоило позавидовать. Подчиненные благоразумно отодвинулись. Полковник снова воцарился над душой приговоренного, одной рукой он разминал суставы пальцев, вторая прижимала к уху полотенце. Он вроде задумался – собака по всем понятиям заслужила собачью смерть, но как насчет таинственного информатора? Зенкевич бесстрашно смотрел ему в глаза, в лице не осталось ни кровиночки, но в глазах горел торжествующий огонь. Он как-то странно дышал, вздрагивал, прежде чем втянуть воздух, и при этом морщился.

– Нехорошо, Лев Васильевич, очень плохо... – четко проговаривая слова, как глухой, но говорящий, сообщил полковник. – Кстати, если ты считаешь, что когда-нибудь на твоей родине тебе установят бронзовый бюст, то ты ошибаешься...

Он вновь задумался.

– Разведем на харакири, товарищ полковник? – предложил разумное решение Рябинчик.

– Да уж, пожалуй... – мстительно протянул полковник. – Толку от этого куска мяса больше не предвидится.

– Как же так, полковник? – еле выдавил избитый журналист. – Ты отчаялся узнать, кто поставлял мне информацию? Да ладно, полковник, подставляй второе ухо, так и быть, скажу...

Это издевательство нужно было кончать. Полковник уже собрался выкрикнуть логично вытекающий приказ, но тут на верхней палубе раздался шум...

Вроде кто-то вскрикнул, а потом упало нечто. Не исключено, что человеческое тело. Оперативники застыли, наострив уши. Вровень слотнул: что за черт? Мистический холодок пробежал по позвоночнику, давненько он не испытывал ничего подобного. Появилось предчувствие чего-то злого, незапланированного... Бред собачий! Полковник раздраженно мотнул головой. К черту мистические холода! Мало ли что там упало! Люсьен, к примеру, развлекается. Этой сучке и не такое в голову придет. Разве может что-то произойти там, где ничего произойти не может?! На яхте шесть верных ему людей – двое наверху, четверо внизу. Лодка с тремя патрульными и начальником лодочной станции барражирует между островом и берегом, пресекая попытки посторонних приблизиться к острову... И тут все невольно вздрогнули, послышался топот по верхней палубе, сдавленный вскрик, и второе тело шмякнулось на рифленый настил. Завизжала блондинка Люсьен, к которой, по ряду обстоятельств, Павел Макарович уже два месяца всячески благоволил. Крик оборвался на нелогичной ноте, словно орущей сдавили горло. Присутствующие побледнели. Невозмутимый Мартынов извлек «ПМ» из кобуры под мышкой, устаревший пистолет в исполинской лапище смотрелся детской игрушкой. Остальные стали судорожно выхватывать стволы. Павел Макарович хлопнул по боку, пистолета не было, он давно уже забыл, что такое угроза собственной жизни...

– Товарищ полковник, что за хрень? – дрогнувшим голосом осведомился Ващенко.

– Ты у меня спрашиваешь, идиот? – злобно прищурился полковник. – Вот ступай и разберись.

Все присутствующие снова вздрогнули, когда зашелся давящимся смехом прикованный к полу Зенкевич. Смотрелось это неважно – задыхающийся, смертельно бледный человек судорожно дергался, выхаркивая сукровицу, а в глазах бесились сполохи.

– Достукались, Павел Макарович... – бубнил он тоном умирающего чревоушителя. – Ангелы мести прибыли по вашу душу, поздравляю от всей души и желаю счастливо разобратся.

– Что ты несешь, чмо? – гавкнул Павел Макарович и, икнув, заткнулся. Словно холодной водой окатили. Послышались шаркающие звуки, по палубе тащили что-то большое, скрип сыромятной кожи, дребезжание леера, глухой удар. Мелькнуло что-то в иллюминаторе, закачалось. Павел Макарович прикусил язык, остальные возмущенно загалдели. В широкий иллюминатор ударились лбом человеческая голова. Мужчина болтался вверх тормашками! Его за щиколотки привязали к лееру и столкнули вниз. Глаза были закрыты, он находился без сознания и никак не мог прокомментировать ситуацию. На лбу у страдальца багровела здоровая шишка.

– Это же Брынец! – ахнул Сидоркин. – Вот же мать его...

Затем последовал двойной удар и снова возня, сопровождаемая тоскливым волчьим воем, и голова следующего неудачника протаранила соседний иллюминатор. Он закачался, как

маятник, загородив темнеющее море и огрызок скальной породы, висящий над бухтой. Этот субъект частично был в сознании, издавал мычащие звуки, скреб ногтями обшивку судна.

– Локтионов... – пробормотал бледнеющий Ващенко.

– Рябинчик, патруль! – взвизгнул шалеющий от внезапного страха полковник.

Опер не был бестолковым, сообразил. Выхватил из-за пояса рацию, включил, принялся бормотать, срывая голос: «Румянцев, прием... Румянцев, прием, твою дивизию...» Это продолжалось секунд пятнадцать. Потом он растерянно заморгал и пробормотал, на всякий случай попятившись:

– Он чего-то не отвечает, товарищ полковник...

– Идиоты, почему вы еще здесь?! – взвыл, сжимая кулаки, полковник. – Уволю всех за трусость, к чертовой матери! Всем наружу и разобраться!

Гнев начальства был страшен. Уж лучше головой в пекло, чем на начальственный разнос! Господа полицейские кинулись прочь из каюты. Замыкал процессию неповоротливый Мартынов. Возглавлял – исполнительный Сидоркин, имевший пояс по каратэ и забытый юношеский разряд по боксу. Но боевые навыки в данный час негодились. Он первым выметнулся за порог, оторвавшись на пару метров от товарищей, и спустя мгновение вновь вернулся. Влетев обратно с сумасшедшей скоростью и явно не по своей воле! Он верещал, как сирена, болтал конечностями, словно тряпичная кукла. Создалось впечатление, что за порогом в него всадили чугунным ядром. Ващенко и Рябинчик бросились врассыпную, влетевший Сидоркин пронесся мимо них. Мартынов отбежать не успел, да, собственно, и не планировал. Сидоркин врезался затылком ему в грудь и сполз на пол, орошая пол вытекающей из разбитого носа жижей. Он был без сознания, что и немудрено после такого удара. Мартынов даже не качнулся. Стоял, широко расставив ноги, недоверчиво поглядывая на валяющегося под ногами Сидоркина.

Поздно включились! В кают-компанию влетела странная фигура. Вроде бы мужчина – поджарый, мускулистый, гибкий, как молодой стебель, одетый в облегающую черную одежду, напоминающую термобелье (или закрытый костюм аквалангиста), в резиновой маске с дырками, закрывающей практически все лицо. В руках ничего не было, в отличие от оперативников, каждый из которых сжимал по пистолету. Но пользы им от этих пистолетов! Мишень металась, отследить ее перемещения было невозможно. В каюте будто зверствовал ураган. Завертелась мельница. Взвизгнул Ващенко, услышав хруст от того, что ломается собственная локтевая кость. И вот его что-то завертело, раскрутило и отправило на тахту, по которой он перекатился, как футбольный мяч, подлетел и с разгона вонзился макушкой в зеркальный бар. Разлетелись осколки, распахнулись покореженные двери. Не устояла шеренга бутылок с цветными этикетками, они стали вываливаться на пол, словно атакующие пехотинцы под пулеметным огнем. Грохот, крики, стоны стояли в кают-компании. Приземление оказалось неудачным, помутилось сознание, и Ващенко рухнул физиономией в зеркальные осколки. А ураган уже орудовал в другой части кают-компании, после удара пяткой по коленке, двух суровых плюх в челюсть и подсечки Рябинчик, вознамерившийся дать тягу, отлетел к иллюминатору, сполз на пол, картинно клацнув челюстью, как бы попрощался.

Полковник Вровень не настолько отупел от страха, чтобы перестать соображать. Он метнулся к выходу, но споткнулся о перевернутый металлический стул. Перелетел через него, удар плечом оказался чувствительным, в глазах потемнело. Он забыл, куда собирался. И тут увидел пистолет, оброненный Рябинчиком, тот проделал длинный путь, прыгая по полу. Вровень метнулся к стволу, потянулся, чтобы схватить, но нападающий не дремал. Пролетая мимо, он ударил пяткой, придавив полковнику два пальца на левой руке – указательный и средний. Тот заорал от боли, но своих попыток выстрелить не прекращал. Это было лишнее, полковник чувствовал, как его хватают за шиворот, он отрывается от пола, но вместо того чтобы заняться воздухоплаванием, катится, как несуразное колесо, сминает кресло из хилого ротанга, влетает затылком в стену. И... мир уже не тот. Но хватило духу просипеть:

– Мартынов, убей его...

Этот здоровяк давно бы пристрелил субъекта, вмешавшегося в работу полицейских, но не мог поймать на мушку мельтешащую цель. Пробивная мощь сержанта не имела ничего общего с проворностью и умением вертеться. Голова кружилась, не успевала за событиями, но он стоял, расставив ноги, поджидал момента. Мимо что-то пронеслось, он выбросил кукувалду, но не попал! Прозевал, неожиданно перед ним взметнулась пятка, и пистолет, который он сжимал вроде бы крепко, выскочил, умчался. Не успел он толком разозлиться, как человек в резиновой маске из смазанной траектории превратился в конкретное пятно, завис перед глазами. Мартынов отправил в наступление пудовый кулак, но это был не человек, а голограмма, кулак не встретил ничего материального. В ответ снова мелькнула пятка, атакующему пришлось подпрыгнуть, словно кнут хлестнул по челюсти, едва не выломав массивную голову из позвонков! Мартынов мотнул головой, дескать, ничего страшного. Принял боксерскую позу, заработал кулаками. Но мишень пропала, она опустилась на «нижний уровень», не предупредив соперника. Противник сделал упор на обе руки, практически лежа, он выбросил ногу, подтянув к себе носком перевернутый металлический стул, перехватил его за ножку правой рукой, после резкого вращения массивная перекладина вонзилась в коленный сустав сержанта, превратив его в кучку раздробленных костей. Исполин издал свирепый рык, подломилась нога, но он устоял, лишь немного попятился. Затем последовала серия оплеух по челюсти, глазам, по кадыку, он изрыгал рычание раненого буйвола, не выдержал, свалился на здоровое колено. Но все еще махал руками, рассчитывая схватить неуловимую шельму. Все же движения замедлялись, пелена вставала перед глазами. Он пропускал удары, шатался, слюна стекала с губ. Силы иссякли, сержант Мартынов завалился на бок, но пока еще упирался в пол руками. Он тяжело дышал, спина вздымалась, как море в пятибалльный шторм. Соперник тоже утомился, попробуй одолей такую гору (не говоря уж про прочих). Он сделал передышку, пару раз вздохнул, поднял за ножку проверенный в сражении стул, рассчитал силу удара, точку приложения, занес его над головой обеими руками и опустил на загривок сержанта.

Человек в маске отбросил стул и шумно выдохнул. Рука непроизвольно потянулась к маске, но опомнился, снимать нельзя. Ничего, пот не холод, костей не ломит. В кают-компании царил форменный кавардак. В беспорядке валялись тела. Перевернутая мебель, кровь, осколки разбитых бутылок. Тела не шевелились, убаюканы были качественно. Лишь покалеченный Вровень, у которого кровь сочилась из прокушенного уха, пытался ползти за пистолетом, злобно стиснув челюсти. Траектория движения полковника пролегла недалеко от распятого Зенкевича, тот с натугой поднял ногу, привязанную к ножке тахты, указывая на изуродованное ухо. Хищно засмеялся, давась слюной. Полковник что-то вякнул, рука потеряла опору.

– Спасибо, Лев Васильевич, вы очень помогли, – проговорил мужчина в маске. – Но постарайтесь больше не шевелиться. Не забывайте, что у вас больное сердце. Сейчас мы вас освободим.

– Вы кто, товарищ? – прошептал журналист. – Человек-паук? Супермен? Черепашка-ниндзя? Мститель?

– Последнее, – усмехнулся мужчина. – Совершенно в точку, Лев Васильевич.

Мужчина опустился на колени перед стонущим полковником. Глаза его бешено блестели, физиономия перекосилась до неузнаваемости. Затем последовал мощный удар кулаком в лицо, и полковник отключился.

– Спасибо, снято, – сообщил с порога мелодичный женский голосок, и скрипнула половица за спиной у мужчины. – Боже, какая эскалация насилия. Я никогда еще не видела такого количества лежащих полицейских. Дорогой, тебе помочь или не мешать?

– Не мешай, – проворчал мужчина. – Впрочем, помоги. Я один в этом беспорядке не справлюсь.

Он поднялся, с досадой отметив, как хрустнули коленные суставы. Перед ним стояла невысокая худенькая женщина, одетая так же, как и он. Плотное «термобелье» подчеркивало изгибы бедер, вздымающуюся от волнения грудь. В опущенной руке она держала отключенную видеокамеру, которую не спешила прятать в поясной чехольчик на ремне. Широко раскрытые глаза в отверстиях маски смотрели на партнера не моргая, с застывшим вопросом, немного с иронией.

– Хорошо поработал, дорогой, – заключила женщина. – Сноровку за полгода ты не растерял. Встреча закончилась со счетом пять-ноль. А мы еще удивляемся, отчего вымерли мамонты... Кстати, ты в курсе, что вырубил робота-полицейского?

Мужчина засмеялся, обнял ее, поцеловал в лоб под шершавой маской.

– А ты заткнула белобрысую выпь, что орала на свежем воздухе? – Он кивнул на потолок, имея в виду блондинку Люсьен.

– Разве слышно было, что она кричала? – удивилась женщина. – Люсьен, между прочим, сообразительное и благоразумное дитя. Я убедила ее, что если она не будет кричать, то в жизни ничего не изменится. Вот она и не кричит, терпеливо ждет, пока закончатся наши формальные процедуры. Полагаю, они закончились. Переходим к концертной программе?

– Нет, ты не права, – рассудительно изрек мужчина. – Концертную программу мы уже отыграли. Начинаем официальную часть. Говорим и показываем, как говорится.

– Я вам не мешаю? – пробормотал Зенкевич. – Может, вы развяжете меня наконец? И объясните, кто вы такие?

– Лежите спокойно, Лев Васильевич, – строго сказал мужчина. – Сейчас мы вас развяжем. А кто мы такие, я уже сказал. Мы – легендарные мстители из популярного сериала, прибывшие в ваш город для того, чтобы местным властям было на что пожаловаться. И пока не закончим, не уедем. Кстати, я имею в виду российский сериал, а не его зарубежные аналоги. Фильм не художественный, документальный. Будучи журналистом, пользующимся Интернетом, вы обязаны были про него слышать, а то и смотреть. Если будете вести себя благоразумно, станете одним из авторов увлекательного шоу.

– Боже мой, не могу поверить, есть еще справедливость в этом мире... – Избитый журналист откинул голову. Он снова задрожал, жирная испарина затопила опухшее лицо. Зенкевич смотрел сквозь поволоку в глазах, как нежданные спасители блуждают по каюте, собирая разбросанное оружие. – Конечно, я слышал про вас... Господи всесильный, как я молился, чтобы однажды вы возникли в нашем городке, где на этих сволочах уже клейма негде ставить... навели здесь порядок, показали людям, что не все еще потеряно... Как красиво вы их отделали, это просто песня. Не верю, это, наверное, галлюцинация! Согласитесь, господа, вероятность того, что мстители прибыли именно в наш городок, ничтожно мала, стремится к нулю, ею можно смело пренебречь, это что-то из области клинического бреда...

– Пожалуй, соглашусь, Лев Васильевич, – допустил мужчина, вооружаясь пистолетом. – Вероятность смехотворная. Для вас. А вот для нас с коллегой – нормальная вероятность, верно, любимая?

– Воистину, дорогой, – ответила женщина. – Лев Васильевич, вы не в курсе, на этом судне еще есть люди?

– Не знаю, ангелица моя... – простонал Зенкевич. – Кажется, нет, но кто же знает...

Сжимая пистолет, мужчина приблизился к завуалированной портьерой двери, соседствующей с искалеченным баром. Покосился на ворсистый коврик, лежащий под дверью, помешкал.

– Не разувайся, – усмехнулась женщина. – А то еще больше наследишь.

Он усмехнулся, пропал за шторой. Вернулся немного озадаченный.

– Что там? – спросила женщина.

– Дорогие картины на стене... Хорошая кровать, фрукты, мартини. И все это рядом с пыточной. Ну и нравы... Ладно, не будем отвлекаться, любовь моя. – Он опустился на корточки перед журналистом, неторопливо перерезал веревки. Женщина приподняла ему голову и поднесла ко рту воду в стакане. Журналист сделал несколько глотков, заерзал, но мужчина твердо положил ему руку на плечо.

– Лежите, Лев Васильевич, а мы пока закончим. Можете о чем-нибудь подумать, поразмышлять над природой вещей. Вам нельзя делать резких движений, не в том вы состоянии. Не волнуйтесь, теперь все будет хорошо. Мы переправим вас в безопасное место, где вашей жизни ничто не будет угрожать. И постарайтесь сделать так, чтобы нам не пришлось с вами нянчиться и терять время. Не забывайте, что яхта по-прежнему под колпаком и срок у нас ограничен.

– Да, я все понимаю, господа! Занимайтесь, забудьте про старого алкоголика, он и так безумно доволен...

В последующие минуты видеокамера в женских руках фиксировала особенности внутреннего интерьера. Она осторожно переступала через тела, мужчина шел сзади, стараясь не попасть в объектив, и невозмутимо, выдерживая официальный тон, комментировал:

– Дорогие зрители, представляем пилотную серию нового сезона нашего остросюжетного сериала. Надеюсь, вы простите нам некоторые шероховатости во время представления – без них, увы, работа в заповедных зверинцах нашей страны немыслима... Рады представить вашему вниманию людей, подвергшихся пыткам местного правдоискателя – журналиста Зенкевича Льва Васильевича, много лет собиравшего разоблачающие материалы на коррумпированных представителей элиты этого симпатичного черноморского городка. Заранее извиняемся, что нам не удалось представить господ без предварительного сокрушения уст и прочих частей тела, в противном случае они бы стали возражать. Зрелище, впрочем, не трагическое, господа живы, хотя какое-то время они не смогут выполнять свои служебные обязанности. Старший сержант Мартынов – бывший, кстати, рэкетир, отсидевший в девяностые годы два двухгодичных срока, а затем принятый на работу в кабаркульскую милицию, где успешно передавал товарищам накопленный в жизни опыт. Играючи прошел переаттестацию при переходе в полицию – в чем нет ничего удивительного, учитывая впечатляющий послужной список, в котором на первом месте умение грамотно проводить допросы с пристрастием... Об остальных же ничего плохого, это лишь из-за нехватки нашего времени. Лейтенант Рябинчик... Сержанты Ващенко, Сидоркин... Извиняемся за не слишком презентабельный вид последнего. В одном из иллюминаторов, если присмотреться... О, спасибо, коллега, за крупный план, мы можем лицезреть еще двоих добропорядочных полицейских славного города Кабаркуль – это сержант Брынец и его коллега сержант Локтионов. Если прислушаться, то можно различить, что последний представитель многообразной фауны этого заповедника издает звуки, схожие со звуками природы, что, конечно же, очень мило с его стороны. Но мы не будем останавливаться на повадках и инстинктах данных экземпляров, рассказывать, как они добывают пищу и где гнездуются, мы сразу перейдем к самому крупному образцу в этой части зверинца. С удовольствием представляем: полковник Вровень Павел Макарович, начальник городского управления внутренних дел и, грубо говоря, третий человек по значимости в Кабаркуле, после мэра Громова и председателя Совета народных депутатов Заклинаева. С упомянутыми господами мы еще разберемся, а пока внимание на монитор...

Мужчина в маске носком ботинка перевернул лежащего ничком полковника, и на того мгновенно устремился объектив. Павел Макарович неустойчиво балансировал на грани потери сознания, из носа текла кровь, губы непроизвольно шевелились. Он понимал, что происходит, с ненавистью таращился на ствол пистолета и на дразнящий огонек видеокамеры. Расклеил слипшиеся губы, вознамерившись что-то сказать, но захрипел, закашлялся, замычал...

– Павлу Макаровичу 54 года, зубр в расцвете сил. Сколько гадостей сделано, сколько еще предстоит, и никакая полиция ведь не остановит! Впрочем, это не так. Звезда господина

Вроения начинает закатываться, и мы не сомневаемся, что в обозримом будущем она свалится за горизонт. В послужном списке господина полковника имеется все, чтобы зачислить его в выдающиеся граждане не только районного центра, но и всей страны. Тридцать лет на ниве обеспечения законности и правопорядка. Юбилей ведь в этом году, верно, Павел Макарович? Награды, почетные грамоты, бронзовые статуэтки, поощрительные премии. Кстати, надо полагать, именно на зарплату и премии вы отгрохали трехэтажный особняк из белого камня у Гремучей скалы, обнесли его трехметровым забором, снабдили круглосуточной охраной, а заодно присовокупили к дому четыре гектара плодородных угодий, заросших природными эндемиками? При этом я не учитываю две квартиры и дом непосредственно в Кабаркуле, дом в Краснодаре и квартиру в Москве на Кузнецком мосту, площадью порядка двухсот метров. Станный вы человек, Павел Макарович, умеете находиться сразу в нескольких местах... А три машины в гараже? Отнюдь не «рюкзаки на колесах», вроде «Оки» или «Жигулей». А симпатичная яхточка, на борту которой мы находимся? А упитанные счета в «ВТБ», в «Краснодар-Траст» и в «Дойче Банке»? Сколько там у вас, миллионов двести? Красиво жить не запретишь, Павел Макарович. Однако мы попробуем. Народ обязан знать, чем занимаются его слуги. А занятия, мягко говоря, некрасивые. Все силы брошены на поддержание установившегося в городе режима. Подавление инакомыслия, уничтожение ростков оппозиции, тотальный запрет на критику властей. Впрочем, это логично. Как справедливо написала одна влиятельная западная газета, «российская судебная и правоохранительная системы созданы не для защиты общества, или прав человека, или отдельных людей. Ее единственная цель – способствовать выживанию властей». Больше всего в этой истине удручает слово «единственная». Впрочем, уличную преступность за последние восемь лет вы побороли, это плюс. Отныне основные преступники в городе господа полицейские. Если что и охраняют, то только курортно-санаторную зону от мыса Афалина до Черепашьего оврага, куда приезжают на отдых, лечение и прочие терки-разборки полезные и влиятельные господа из краевой администрации и из самой Белокаменной, в том числе, о боже... из правительства. Из-за этой зоны в городе установлен тотальный полицейский режим. Благодаря этой зоне действует режим благоприствования, «закрытия глаз» и прочих «ничего не вижу». Воруйте, местные чиновники, убивайте, злоупотребляйте, насаждайте любые диктаты (а мы вам еще и денег подбросим), но чтобы райский уголок от мыса до оврага действовал, приносил удовольствие и был островком безопасности для наших разборок. Там действует пара публичных домов, куда ни разу не ступала нога полицейского, разве что в качестве клиента. Распространяют наркотики, Павел Макарович, – вот так новость? Работает казино, деятельность которых вроде запрещена, нет? Недавно там убили человека, проштрафившегося бизнесмена из Сибири, обманом заманенного в Кабаркуль. Вы не в курсе, нет? Сообщений об этом не поступало. Но ваши подчиненные, возглавляемые майором Ухтоминым, избавились от трупа, вывезя его аж в Ставропольский край, чтобы у тамошних сыщиков болела голова. Разве не по вашему приказу это было содеяно? О ваших свершениях, Павел Макарович, можно говорить часами. Упомянем лишь несколько. Например, дело полугодовой давности: двое полицейских, Рахимов и Макаев, изнасиловали местную женщину, молдаванку по национальности. Народный глас протеста задушили в зародыше. Очевидцев запугали, молдаванку урезонили, а когда возникли сомнения в ее сговорчивости, пригрозили привлечь к делу психиатров из районной больницы. Преступников нет, потому что нет события преступления. Тишь да гладь, и никого не волнует, о чем шепчутся люди на кухнях. Рахимов и Макаев продолжают охранять покой граждан. Оказывается, что первый – двоюродный племянник вашей покойной жены, второй – сводный брат вашей тогдашней любовницы. Вот еще дело пятимесячной давности. Возведение пафосного парникового хозяйства на задворках вашей усадьбы у Гремучей скалы. Вы активно применяли рабский труд. На вас работали пять невольников, не бомжи, двое – граждане Украины, двое – из Узбекистана и один почему-то из Филиппин. Вы отобрали у них документы, заставляли вкалывать по шест-

надцать часов в сутки в тяжелых антисанитарных условиях, кормили отбросами не потому, что у вас нет денег на прокорм рабов, а потому, что вы по натуре садист. Надсмотрщики и вы лично периодически избивали несчастных, травили собаками, устраивали подобию гладиаторских боев, подсчитывая выбитые зубы и выдавленные глаза. Показывали своих невольников друзьям и знакомым, да еще и пошучивали, мол, посмотрим, что из обезьян сделает труд. Один из них впоследствии сбежал, обманув охрану, его поймали через пару часов, забили камнями на месте, избавились от трупа в печи городского крематория, с директором которого у вас налажены приятельские отношения. Остальные четверо на следующий день пропали. Возможно, вы решили не рисковать. Нет людей – нет проблемы. По непроверенным данным, ваши приспешники отвезли их в тот же крематорий, где бедняг спалили заживо, даже не удосужившись их предварительно умертвить.

– Эти данные проверены... – слабым голосом простонал Зенкевич. – Я лично беседовал с человеком, который был сторожем в ту ночь. Этот парень не робкого десятка, он снял момент доставки на сотовый телефон. Жертвы были связаны, с повязками на глазах, им даже помочь не дали...

– Спасибо, Лев Васильевич, – поблагодарил злоумышленник. – Вы отдыхайте, постарайтесь не волноваться.

– Что ты лепишь, сука? – хрипел полковник, плюясь ядовитой слюной. – Ты докажи! Какого хрена ты тут пургу несешь? Покойник, мать твою... Ублюдок, ты знаешь, что ты уже покойник? И сучка твоя – покойница... – Он было дернулся, но хватило тычка носком ноги, и вибрирующее туловище угомонилось.

– Три месяца назад к вам обратился бизнесмен греческого происхождения по фамилии Кавриди. Человек по недомыслию открыл в вашем городе собственное дело – сеть небольших мастерских по ремонту обуви. Но не прижился, задавили поборами. Когда платить стало нечем, некие личности подожгли его головную мастерскую, совмещенную со складом. В огне сгорело все. Кавриди пришел в полицию, где ему популярно объяснили, что причина пожара – короткое замыкание, и нечего тут совать бумагу с фамилиями и адресами тех, кто это сделал. Тогда он предложил взятку – двадцать тысяч рублей. Больше не осталось. Невиданное оскорбление! Вы лично, Павел Маркович, придя в ярость, несколько часов истязали человека, уча его уму-разуму. Размер взяток в стране за последние десять лет вырос в тридцать раз. И если в 2000-м подобное подношение могло бы прокатить, то нынче начинать замасливание нужно с трехсот или катиться к чертовой матери, не надеясь на правосудие. А ведь действительно, Павел Макарович, статистика верна. Индекс инфляции не поспевает за индексом коррупции. Счастье господина Кавриди в том, что он остался жив. В ту же ночь, когда его вышвырнули из вашего кабинета, он спешно бежал из города, и больше его никто не видел. Два месяца назад вы собственноручно избили женщину, сына которой безосновательно обвинили в нанесении тяжких телесных повреждений со смертельным исходом. Реальным убийцей оказался племянник вашего старинного друга – директора крематория. А невинному парню придумали банальную историю, мол, девушка отказала ему после дискотеки, тот, оскорбленный и в ярости, подкараулил ее в парке, начал избивать и перестарался... Ну как не порадеть близкому человечку? Подключили угрозыск, состряпали дело, нашли свидетелей, подогнали улики. Случился скорый беспристрастный суд. Восемь лет усиленного режима – и прощай, вольная жизнь. И только мать, прекрасно знавшая, где в ту ночь ночевал ее сын, стала источником раздражения. Вы настойчиво поговорили с женщиной. После чего она осталась с двумя сломанными ребрами и раздробленным локтевым суставом. Браво, Павел Макарович, вы истинный джентльмен. Последнее же ваше достижение – травля журналиста Зенкевича, порывшегося в грязном белье местных небожителей...

– Да ладно вам, – смутился журналист. – Не такая уж я видная персона. Помимо меня за господином полковником тянется длинный пахучий шлейф.

– Могу порадовать, Павел Макарович, сегодня вы грех на душу не возьмете. Данная запись попадет в Интернет, и будет крупный скандал. Возможно, вы отвертитесь, но, увы, это станет закатом вашей карьеры. Никто за вас не вступится, близкие соратники от вас отвернутся, и никому нет дела, что наши обвинения не подтверждены юридически. Никто не усомнится, что это чистая правда. А многим и гадать не надо, они и так знают...

– Падлы... – прохрипел полковник, делая рывок и хватая за ногу женщину, ведущую съемку. Но та не растерялась, ударила в лоб ногой, а сообщник, возмущаясь, упал на колени и метким ударом отправил строптивого полковника в нокаут. Павла Макаровича вырвало, закатились глаза, он мощно испортил воздух – настолько мощно, что мужчина с женщиной отшатнулись. А Зенкевича пронзил приступ меленького мстительного хохота.

– Достаточно на сегодня, – брезгливо пробормотал мужчина, затыкая нос. – Пока вы уверенно выигрываете, Павел Макарович, – в номинации «Дерьмо года». Коллега, выключайте камеру, довольно.

И тут оба насторожились: с Зенкевичем, которому пора было оклематься, происходило что-то странное. Он стал подозрительно дышать: делал неловкий судорожный вздох, а выдох сопровождался крупной дрожью. Он уже не смеялся. Мужчина в маске опустил на корточки, переглянулся с сообщницей – похоже, назревали проблемы. Предупреждали же не нервничать и не лезть куда попало!

– Лев Васильевич, что с вами?

– Бывает, все в порядке... нормальный такой болевой прием... сейчас пройдет... Это все сердце, пропади оно пропадом...

Пот катился со лба, лицевые мышцы не слушались. Он несколько раз глубоко вздохнул и вроде бы почувствовал облегчение. Лицо расслабилось, неуверенная улыбка осветила измученное лицо.

– Быстро пошарь по каюте, – прошипел мужчина. – Лекарства, желательно что-нибудь сердечное. Ведь должно быть что-то.

Женщина всплеснула руками, самое время, нечего сказать. Метнулась к трельяжу, вокруг которого валялись полотенца.

– Лев Васильевич, черт возьми, прекращайте наконец волноваться... – нервничал мужчина. – У меня самого из-за вас сердце неровно бьется. Успокойтесь, все хорошо! Надеюсь, вы не сомневаетесь в наших добрых намерениях?

– Ни в коем случае, господа... – Он криво усмехнулся. – На вас теперь вся надежда угнетенных жителей нашего городка.

– Сообщите имя информатора, Лев Васильевич. Мы не обладаем информацией в полном объеме. Наши сведения отрывочны и бессистемны, они не дают полной картины происходящих в городе событий.

– Да, конечно. Но только не забудьте, что этот человек не должен пострадать... – Зенкевич вновь заволновался, уперся руками в пол и, понизив голос, начал что-то глухо вещать. Мужчина, чтобы разобрать слова журналиста, рискуя, нагнулся почти вплотную.

– Ты что-нибудь понял? – спросила женщина. Она копалась в ящиках и случайно наткнулась на несгораемый сейф, вмурованный в стену рядом с трельяжем. И, похоже, задумалась: дошли до несгораемой суммы, не забрать ли деньги?

– Думаю, да, – задумчиво вымолвил мужчина. – Хотя это как-то странно...

– Вы не ослышались... – опять заволновался Зенкевич. – В жизни случается много интересных и неожиданных вещей. Этот человек не хочет ничего взамен, он сильно рискует, но действует из чистосердечных побуждений.

– Я что-то нашла, – обрадовалась женщина, и в руках ее образовалась граненая стеклянная баночка, наполненная пузырьками и таблетками. Она высыпала содержимое на тахту, зарылась в него хрупкими пальчиками, выискивая что-нибудь полезное.

Вторая внезапная сердечная атака ударила в момент ремиссии. Журналист предпринял попытку приподняться, прокусил губу от усердия, а мужчина с женщиной не успели среагировать. Лицевая судорога исказила внешность журналиста до неузнаваемости, он жалобно уставился на спасителя, успевшего подставить руку под спину. Случился новый приступ, за ним еще, третий – как протяжная автоматная очередь, и человек забился в конвульсиях. Он не спускал потрясенного взора с мужчины в маске, смотрел ему в душу, настойчиво, словно умолял: не сдавайся, закончи! Зенкевич все понял, сделал попытку улыбнуться, и это было последнее, что журналист успел сделать в своей жизни. Расслабился, размяк, свесилась голова. Глаза остались открытыми, и что-то желтоватое потекло из рта.

Женщина ахнула, бросаясь на помощь. Эти люди в принципе знали, что делать с человеком в случае сердечного приступа. Но случай был не тот. Мужчина умер – быстро и однозначно. Комплекс реанимационных мероприятий ничего не дал. Массирование грудной клетки, воздух в легкие – все пустое. Они возились и корпели над решительно мертвым человеком. Журналистская душа уже возносилась на небо, где ему было зарезервировано теплое и непыльное местечко.

– Вот черт... – голос женщины задрожал. – Как же так, Никитушка?

– Недоглядели, Ксюша... – убитым голосом сообщил мужчина. – Хотя не думаю, что в этом наша вина. Чему быть, того не миновать. Хотя кому сейчас от этого легче?

Но паре даже не дали прочувствоваться. За спиной послышался шорох, мужчина резко повернулся, выбрасывая руку с пистолетом. Качнулось грузное тело, но не потеряло набранной инерции, Павел Макарович Вровень летел к выходу, побитый, обливаемый кровью, с растерзанным ухом и раздавленными пальцами. Он шарахнулся о дверной косяк, ведь с ориентацией проблемы, но не свернул с избранного пути, вывалился за порог, затопал по короткому коридору.

– С ума сойти... – пробормотал Никита, опуская пистолет.

– Ты не выстрелил, – резюмировала женщина. – Хотя и мог.

– Я не убийца, дорогая.

– А по ноге?

– Прости, не догадался. Вернее, догадался, но... зачем? Мы получили дополнительное развлечение. Пойдем, полюбуемся...

Спустя мгновение они стояли на верхней палубе и наслаждались зрелищем. Полковник Вровень, пытая от усердия, перелезал через леер, матерился, как классический водопроводчик, и харкал кровью. Обнаружив, что за ним наблюдают, он взвыл от страха, разжал руки и неуклюже повалился за борт. И прорычал зачем-то, прежде чем пучина накрыла его:

– Я еще вернусь, ублюдки!

– Аста ла виста, беби? – Мужчина недоуменно покосился на сообщницу. – Чего это с ним, дорогая?

– Ку-ку заело? – предположила женщина. – А что, вполне укладывается в контекст. «I'll be back», вы еще попляшете, грязные ублюдки! Где моя куртка, винчестер и мотоцикл?

Судя по звукам отфыркивающейся лошади, Нептун не уволок городского «шерифа» в свои глубины. Он вынырнул – оказалось, что этот грузный и неповоротливый тип прекрасно плавал. Невзирая на побои, травмы, унижения, он оттолкнулся от борта и поплыл вразмашку в сторону города, ежесекундно озираясь, не будут ли стрелять? Оскалился перекошенный рот, убились движения рук. Голова полковника мелькала на волнах, удаляясь от яхты. Мужчина озадаченно почесал затылок стволом «макарова».

– Можем поднять якорь, догнать, отутюжить... – неуверенно предложила женщина.

– А потом затопить прекрасное судно вместе с содержимым, – поддакнул мужчина и засмеялся. – Глупые мысли не запаздывают, дорогая. Это не то, что нам сейчас нужно. Из полковника Вровеня мы вытянули все. Его проблемы, что он не понял. Ладно, леший с ним. Он

доплывет, у него получится. Примерно через полчаса на островок прибудет группа медленного реагирования. Время есть...

Мужчина приобнял женщину, она машинально к нему прильнула. Это выглядело странно, учитывая то, что они не сняли маски. Солнце опустилось за каменный островок, по воде растекались дымчатые сумерки. Стихал ветерок, сглаживалось волнение на море. Городок Кабаркуль, расплзшийся по прибрежным холмам, укутывала голубоватая дымка. В отдельных домах уже включали свет. Зажглись прожекторы на пришвартованных у пирса судах, звуки музыки потекли по воде. Вечернюю идиллию нарушала лишь голова полковника Вровеня на водной глади. Мужчина с женщиной одновременно обернулись. Как-то абсурдно смотрелись мужские ноги, попарно привязанные ремнями к лееру, полицейские Брынец и Локтионов приходили в себя и уже пытались возмущаться. Перевернутый мир их чем-то не устраивал. Очень живописно смотрелась сексапильная блондинка в купальнике телесного цвета. Разведенные руки были примотаны скотчем к вантовым тросам, одни их концы тянулись к мачте, а другие были жестко закреплены под настилом. С ногами дело обстояло так же. Она пребывала в наклонном положении, еще одна полоска скотча склеила рот. Девушка молча смотрела на «мстителей», и только выразительные серые глаза говорили о том, что она думает. Страдания, испытываемые блондинкой, были исключительно моральные. Физических неудобств неловкая поза не доставляла. Обнаружив, что стала объектом внимания, блондинка зашевелилась, стала что-то вопрошать глазами.

– Какое благоразумное дитя, – ласково подметила женщина в маске. – Прекрасно понимает, что мычание не выход.

– Да, приятная безделушка, – задумчиво согласился мужчина, партнерша удивленно на него покосилась, и он неловко засмеялся.

Они вернулись в кают-компанию. Там все оставалось по-прежнему – время для побудки еще не настало. Журналист Зенкевич не воскрес, и все, что они могли сделать, – это накрыть его широким пляжным полотенцем. Кучка пистолетов перекочевала в водонепроницаемый рюкзачок, висящий у Никиты за спиной.

– Уходим с аквалангами? – предположила Ксюша. – Вежливо попрощаемся, пересчитав убитых?

– В моем акваланге бракованный легочный аппарат, – буркнул мужчина. – Сюда-то приплыл с трудом, жабрами пришлось дышать. Не представляю, как поплыву обратно. Похоже, предстоит серьезный разговор с жуликоватым греком, который подсунул нам этот никчемный хлам...

– Замечательно, дорогой, – всплеснула руками женщина. – И что ты предлагаешь? Ну давай вплавь, наденем шапки-невидимки...

– Не забывай про группу медленного реагирования и назревающие события, – рассудительно изрек мужчина. – Водную акваторию будут осматривать с прожекторами. Нас поймают и вздернут на рее. Нет, дорогая, мы пойдем другим путем. С помпой. Наше появление в городе не должно остаться незамеченным. Рабочий день продолжается. Действуем, любимая...

У женщины сложилось иное мнение. Пару минут партнеры приглушенно спорили, каждый отстаивал собственную точку зрения.

– Знаешь, дорогой, может, ты на свете лучше всех, – горячилась женщина, – только это сразу не поймешь...

– Но ты это понимаешь, – возражал мужчина. – Да, не подфартило, мы потеряли хорошего человека и журналиста, мир его праху, мы упустили Вровеня, и поэтому мы должны удачно завершить этот день.

В итоге сообщница махнула рукой, мол, нет смысла спорить с мужчинами. Они все равно никогда не бывают правы.

– Но учти, любимый, – предупредила она, – если мы не явимся до полуночи в пансионат нашей дорогой «мадам Вонг»...

– И что случится? – засмеялся мужчина. – Будут нас из тыквы выковыривать?

Ударная группа из трех катеров и группы моторных лодок устремилась на остров с явным опережением, уже через двадцать восемь минут. Местные полицейские были натасканы. Вспыхнули прожектора, и яркий свет озарил водную гладь между Кабаркулем и островом. Юркие лодочки устремились во фланги, рассыпались цепью и полукругом двинулись на остров, сжимая кольцо. Любая «неучтенная» голова на поверхности моря немедленно стала бы объектом пристального внимания. На флагмане «эскадры», вцепившись в леер на полубаке, подрагивал от нетерпения и изрыгал проклятья в озаренное пространство полковник Вровень. Еще ни разу подчиненные не видели шефа в таком бешенстве. Они теснились у него за спиной, старались не приближаться. Перешептывались, что господин полковник чем-то расстроен, ему нужно срочно обратиться к врачу, причем не только к психиатру. По тревоге подняли дежурные смены. Всех служителей правопорядка, не успевших сбежать домой, доставили к причалам, посадили на суда. Люди были с оружием и без. Инструкции получали уже в пути: поймать, убить, доставить в целости и сохранности. Злодеев двое, мужчина и женщина. Особые приметы: маски, черт возьми! И ни в коем случае не вступать с ними в разговоры. При злодеях должна быть камера, ее немедленно изъять и вручить шефу.

Военная операция прошла успешно, кабы не удручающее обстоятельство – отсутствие противника. Флотилия, набитая недоумевающими копами, замкнула островок в кольцо. Лучи прожекторов скрестились на каменистом клочке суши. «Флагман» подошел вплотную к яхте, она стояла на том же месте, и абордажная команда, вооруженная короткими автоматами Калашникова, бросилась на штурм. В первых рядах атакующих, расталкивая локтями подчиненных, расточая хулу в потемневшее небо, двигался лично Павел Макарович. Ему приходилось несладко, болели раны, усталость и отчаяние гнули к земле, но он не сдавался, отмахивался от медика, который бежал за ним и умолял отдалиться в руки отечественной медицины.

– Душа моя! – взревел Павел Макарович, устремляясь к распятой между вантами блондинке, та уже явно начинала испытывать физические страдания. Он отобрал у восхищенно присвистнувшего сержанта перочинный ножик, принялся резать клейкую ленту. Обессиленное тельце постанывало у него в объятиях. Изумленные полицейские отвязывали от поручней болтающихся между небом и водой товарищей, а те умоляли проявлять осторожность. Правильно умоляли: сержант Брынец сорвался в воду, взорвав кусочек акватории...

– Смотрите! – воскликнул кто-то, тыча пальцем наверх, и все задрали головы. Могли бы и раньше заметить. Российский триколор на мачте сменил вымпел – черное, как ночь, полотнище, на котором светящейся краской был намалеван оскаленный череп и скрещенные кости.

– Ба, Веселый Роджер... – протянул некий любитель пиратских историй. – А чего бы это значило, а, мужчины?

– Немедленно снять, идиоты!!! – взревел, как турбина, Павел Макарович. Он так разозлился, что отшвырнул от себя блондинку, и та едва не перекувыркнулась через борт. С юмором в этот вечер у полковника не сложилось, хотя в обыденной жизни он был не прочь подурачиться и кого-нибудь разыграть.

– Смотрите, здесь что-то написано! – обнаружил другой полицейский и отскочил, как будто там было выведено: «Осторожно, мины!» Пучки света от карманных фонариков запрыгали по настилу. На участке верхней палубы, примыкающем к надстройке, было что-то выведено черной краской по белому алюминию. Люди затаили дыхание, читали по слогам. «Это только начало. Мстители», – бесхитростно уверяли аккуратно выведенные буквы. Банка с краской для выполнения наружных малярных работ по металлу, хранимая ранее в рундуке, обре-

талась на палубе, и в нее, конечно, вляпался полковник Вровень, что не придало ему безмятежности и спокойствия.

– Убрать, дебилы!!! – разорвался начальник полиции. – Чтобы глаза мои этого не видели!!! Они еще здесь, неужели не понимаете?! – внезапно прозрел полковник. – Черт вас побери, они здесь, они не успели бы скрыться!!! Четверо, обследовать яхту! Проверить все щели! Остальные – на остров! Перевернуть каждый камень! И чтобы через десять минут эти грязные ублюдки стояли передо мной!

Воцарилась бессмысленная суeta. Люди бегали, старшие офицеры отдавали нелогичные приказы. Снова заводились моторы, свет прожекторов переметнулся на островок – нагромождение гранитных глыб, едва ли превышающее семьдесят метров в поперечнике. Разгневанный полковник в сопровождении свиты спустился в кают-компанию. Время до побудки еще оставалось. Избитые полицейские валялись в живописных позах, наиболее эффектно выглядела туша гиганта Мартынова, смотреть на которую без благоговения было невозможно. Люди оторопели. Хорошо еще, что полковник не заметил, как один из них, отвесив челюсть до пола, выудил мобильник и сделал «панорамный» снимок. Посмотреть здесь было на что. Понемногу шевелился лишь лейтенант Рябинчик, но о возвращении в сознание и бодрое расположение духа речи пока не было.

– Сука! – воскликнул полковник, подлетая к укрытому простыней телу журналиста, сдержнул ее, пнул бездыханное тело. Полицейские смущенно переглянулись. Истязать мертвых – это что-то новенькое в практике шефа.

Тьма сгустилась окончательно, когда остров оказался в плотной полицейской блокаде. Лодки и катера приставали к берегу, благо отмелей и пологих пляжей здесь не было, отвесные скалы и каменные глыбы вырастали из воды. Люди осторожно перебирались на камни, карабкались по шершавым булыжникам, расползались по расщелинам и седловинам. Пучки света прыгали с камня на камень, люди опасливо перекликались. С западной стороны имела тихая бухточка, окруженная монолитными глыбами. Щуплая плоскодонка, оснащенная мотором, вошла в нее, и «лодочник» в форме сотрудника патрульно-постовой службы заглушил двигатель. Коллеги выставили весла, чтобы лодка не ударилась бортом в полуметровый обрыв. У всех троих за плечами болтались короткие десантные автоматы. Младший сержант перепрыгнул на обрыв, подтянул канат, привязанный к поперечной банке, обмотал его вокруг камня. За ним перебрались еще двое. Рядом с бухтой были разбросаны плоские камни, позволяющие без усилий передвигаться. В монолитных скалах, стерегущих бухту, образовался проход, невидимый с моря. Полицейские вступили в пустоту по одному, на всякий случай втягивая головы в плечи. Впрочем, крики товарищей, уже выгрузившихся на остров, внушали толику бодрости. И если честно, к словам полковника Вровеня люди относились скептически, никто не верил, что «мстители» будут дожидаться, пока полиция загонит их в ловушку. Они могли уплыть с аквалангами. И вдруг идущий впереди сержант обнаружил, что из мрака каменного царства что-то движется навстречу. Ни лица, ни очертаний, но тело явно материальное, судя по поскрипыванию камешков.

– Стоять, ты кто? – сдавленно ахнул сержант, передергивая затвор. Но, сделав неловкое движение, он выронил фонарь – единственный на всю компанию.

– Охренел, мент? – миролюбиво проворчала темнота. – Своих не узнаешь? Шары протри, засоня...

Патрульный расслабился, хотя и не был уверен, что узнал голос. И вдруг автомат куда-то поплыл. Он все еще был у сержанта, но начал вдруг бунтовать: взлетел вверх и хлестнул затворной рамой по скуле! Упали руки, искры брызнули из глаз, и еще один страдалец застрял по спирали. Его отбросили с дороги, чтобы не путался. И не сказать, что нападение было столь стремительно, но идущие по пятам растерялись, упустили драгоценные мгновения. А то, что надвигалось на них... Они оторопели! Нечто расхлябанное, ломающееся, болтающееся из

стороны в сторону. Пьяный сантехник с разводным ключом? И вдруг произошла стремительная атака, затрещали кости, послышались сдавленные хрипы, людей разбросало, словно кукол, набитых соломой. Победитель несколько мгновений пребывал в неподвижности, прислушивался. Потом собрал автоматы, один забросил за спину, остальные скинул в воду. Сообщница выскользнула из-за скалы.

– Пошли, пошли, дорогой... – зашептала она. – Не надоело сокращать поголовье копов в этом славном городке? А то совсем неинтересно будет работать.

– Отвлечь их надо, – пробормотал мужчина. – В море выйти не успеем, как в труху превратимся. Ты заберись пока в лодку, веревочку отвяжи.

Ох уж эта демократия в отдельно взятом коллективе! Она опять принялась доказывать, что он решительно не прав, но Никита не слушал. Время, отпущенное на безнаказанность, подходило к концу. Полицейские были повсюду. Гибкая фигура скользнула за рассеченную глыбу, мужчина умел передвигаться бесшумно. Прошло секунд двадцать, и женщина, оставшаяся в одиночестве, вздрогнула: в глубине острова, метрах в тридцати от бухты раскатисто прогрехотала автоматная очередь. Взмыл в небо хор испуганных голосов. И снова очереди, теперь уже короткие, хлесткие, явно не прицельные. Полицейские опомнились, открыли ответный огонь, не видя, в кого и куда стреляют. Воцарился огненный переполох. Лишь кто-то один, сохранивший голову на плечах, истошно взывал, чтобы прекратили это безумие, пока своих не перестреляли. Но никто не слушал. В темноте, иссеченной вспышками, каждому казалось, что именно он – мишень невидимого стрелка и нужно обязательно отстреливаться, чтобы остаться живым. Инициатор уже давно прекратил свою провокационную деятельность, а остальные продолжали изводить боезапас, к автоматным очередям добавились хлопки табельных пистолетов (хорошо еще, что не разрывы гранат). Накал стрельбы не стихал. Со стороны могло показаться, что на острове идет отчаянный бой. Те, кто оказался в других частях острова, потихоньку перебирались к центру, теряли контроль над тем, что оставалось за спиной. Ухмыляющийся виновник несчастья выскользнул из-за скалы, проворно перебрался в лодку и схватился за весла.

– Убираемся, дорогая. Спокойно, незаметно, негромко постреливая из автоматов.

– Ты никого там не убил? – забеспокоилась женщина.

– Нет, это были учебные стрельбы. Боже, дорогая, эти идиоты ничем не отличаются от предыдущих идиотов. Обидно за страну, которая не умеет готовить нормальных полицейских. Я просто мечтаю, чтобы за это дело взялся хваленый капитан Дементьев и мы хоть немного испытали прилив адреналина. Не вставай, дорогая, нас не должны заметить, я сейчас к тебе присоединюсь.

Он оттолкнулся веслами от скалы, начал загребать левой рукой, разворачивая нос в открытое море. Скалы отдалялись, а вместе с ними и остров, озаренный вспышками автоматных очередей. Участок моря, по которому скользила лодочка, никто не освещал. Мужчина вынул весла из воды, пристроил их в скобах. Перебрался на корму и резким рывком завел мотор. Пристроился лежа, чтобы голова не торчала, и развернул суденышко на северную оконечность острова.

Спустя минуту лодка промчалась мимо груды булыжников, к которой притулился один из катеров «флотилии». Там царил суета. Прожектор был направлен на остров, и никто не понял, что за судно проследовало по траверсу за кормой. Лодка неслась на полной скорости, ручные фонари до нее не добивали. Даже у самых зрячих сложилось впечатление, что в лодке никого нет. Опомнились не сразу – не до мелочей было людям, когда на острове творится такое. Оборвалась стрельба, включились трезвые головы... Моторная лодка уже одолела половину дистанции, взяла курс на северную оконечность городка, где не было ни пирсов, ни причалов. Развернулся прожектор на катере, и сам он начал отплывать от живописной горки булыжников. Гневные вопли полковника разносились по воде, их не мог заглушить даже треск мотора. Ударил дружный залп. От острова отделялись быстроходные моторные лодки, понес-

лись, рассекая воду, наперерез хитроумным мстителям. А те уже входили в прибрежные воды. На бетонной набережной толпились зеваки, привлеченные фейерверком на острове. До берега осталось метров пятьдесят, лодка, уходящая от погони, вдруг резко сменила курс, развернулась к северу и помчалась вдоль береговой полосы, мимо любопытствующих зевак, неказистых домишек, стыдливо замаскированных охапками зелени. Обрывалась жилая зона, показался мыс, окруженный кустарником и нелюдимыми скалами. Лодка отправилась по касательной к скале. Человек перевалился через борт, пропал в пучине. За ним последовал другой, и над ним сомкнулись воды. Неуправляемое суденышко мчалось на скалу, а за ним летели три аналогичных. И уже шарахались, меняли курс, чтобы не разбиться вдребезги. А лодка без рулевого на полной скорости врезалась в скалу. Ломалось дерево, рвался металл. Вспыхнул расплескавшийся бензин. Жадное пламя облизало бугристый камень... и погасло, лишив зевак, оставшихся в стороне, голливудского зрелища...

Понедельник, 4.30 утра

Заместитель начальника уголовного розыска капитан Дементьев Олег Михайлович очнулся от какого-то непонятного чувства. Первая мысль, возникшая в голове: от школы бы откосить. Нет, не то... Прошло семнадцать лет, как отгремели школьные годы чудесные, он немного вырос. Пробуждение было трудным, мозг отключался, норовил улизнуть обратно. Первая часть сознания уверяла, что пора просыпаться, вторая настаивала, что можно поспать еще. И что за непонятное чувство? Он распахнул глаза. По модно декорированной спальне (он сделал ее в японском духе, добавив тропического колорита и россыпей огненных мамбрений) плавали предутренние духи, цеплялись за картинки на стенах, предметы стильной обстановки, что-то шептали. Тревога была вполне реальной. Не в спальне, где-то за пределами, возможно, на веранде, в саду или в подсознании что-то происходило... Он машинально сунул руку под матрас, нащупал рукоятку «Грача», помешкал, стоит ли вытаскивать. Нет, это слишком. Стыдно, капитан, ты в родном городе, в собственном доме.

Дементьев пружинисто поднялся, блеснув накачанным торсом. Время тридцать две минуты пятого, если верить светящимся настенным часам. Обнаженная женщина, лежащая рядом, попыталась схватить его за какую-нибудь часть тела, но было уже поздно.

– Ты куда? – простонала она. – Рано еще... Олежек, может, не пойдешь сегодня на работу?

Олег Михайлович промолчал. Если он сегодня не пойдет на работу, то работа придет за ним.

– Ну, дура я, – пробормотала женщина. – Прости... – Она обняла подушку и сладко заурчала, – глупости несу. Все бабы дуры. Очень удобно. Какой с нас, дур, спрос? – И только успела завершить бесценный перл, как уже сопела, возвращаясь в страну исполненных желаний.

«Неужели ей там лучше, чем наяву, в его красивом и безопасном доме? – с какой-то нахлынувшей неприязнью подумал Дементьев. – Что за чушь ей там снится, счастливое замужество?»

Неприятное чувство не отступало. Он на цыпочках приблизился к застекленным, выполненным по принципу шкафа-купе дверям на лоджию. Пуленепробиваемое стекло было изготовлено с односторонней тонировкой, из спальни он видел все, что происходит снаружи, а с улицы интерьер помещения не просматривался ни под каким углом. Предутренняя мгла накрыла Росинки – элитный поселок за Фарфоровой горой на южной окраине Кабаркуля, окруженный вечнозелеными реликтовыми лесами и хмурыми парнями из местного ЧОПа. Из полумрака показывались лохматые деревья на краю приусадебного участка, заросшего магнолией. Резная беседка, клумбы с розами и хризантемами, бассейн, выложенный бирюзовой плиткой. На шезлонге у края воды валялись скомканные женские трусики. Агата на ночь совершала омовение, а в дом вернулась в натуральном виде, не утруждаясь лишними движениями...

Посторонних на открытой местности не было. В кустах ничего такого не просматривалось. Это что-то новенькое. Бравый капитан Дементьев, не боящийся ни бога, ни черта, начинает чего-то бояться? Он поскрипел зубами и окончательно проснулся. Ладно, через час все равно вставать. Можно прогуляться до кухни, пожевать чего-нибудь. Говорят, что ночью в холодильнике еда вкуснее. Оторвавшись от стекла, он на цыпочках проследовал в ванную комнату, включил приглушенный свет. Первым делом уставился в зеркало. Ну здравствуй, оборотень. А ведь в натуре оборотень! Физиономия мутная, глаза горят, руки трясутся. А ну, отставить этот декаданс! Он взял себя в руки, включил полный свет. Все под контролем, капитан Дементьев хоть немного и осунулся, но пока не обращается в зверя. Подтянутый тридцатичетырехлетний атлет с короткой стрижкой и суровой, как мартеновский цех, предельно сексуальной (бабы не дадут соврать) физиономией. Мудрый, как Соломон, хитрый, осторожный, вменяемый на сто процентов, в отличие от большинства представителей так называемой элиты Кабаркуля. Все о'кей, Олег Михайлович, просто вы проснулись на час раньше, вот и мерещится невеста что...

Путь до холодильника оказался тернистым. Вернувшись в спальню с твердым намерением спуститься вниз, он обнаружил, что красавица Агата не спит, пребывает в соблазнительной позе и делает вид, что это случайно.

– Не спишь? – проворчал он.

– Не сплю, – подтвердила пепельноволосая Агата. – Вот лежу, капитан, и пытаюсь разобраться, не чудится ли мне ощущение надвигающегося конца.

Чувство юмора у его сожительницы было какое-то мрачноватое. Но Дементьеву нравилось. И про «методы получения приятного от противного», и про взрослые «настольные игры» – излюбленное развлечение, при условии, что стол большой, не усеян острыми предметами и ничто не мешает «бросать кости» и трясти стариной. Утро в принципе начиналось неплохо. В отличие от большинства опробованных им женщин Агата предпочитала утренний секс вечернему и достигла в нем высокого мастерства. Пришлось задержаться на пятнадцать минут.

– Придешь пораньше? – прошептала Агата, когда утомилась койка и над скомканной линией фронта установилось шаткое затишье.

Временами он задумывался: не та ли это женщина, с которой есть смысл провести ближайшие годы? Временами она раздражала, хотелось засунуть ее куда-нибудь подальше. Но это закон: нет постоянной женщины – хреново, есть постоянная женщина – хреново. Данная сексапильная особа несколько месяцев назад попала в скверную историю. Числилась подругой краснодарского авторитета, и у того в один прекрасный день хватило ума проиграть ее в карты. И не кому-нибудь, а борзому парню, которого пристрелили через пару дней. Помощники борзого парня оказались еще хуже. Агата угодила в сексуальное рабство, выход из которого был один – через повешение. Ее терзали в краевом центре, терзали в Кабаркуле, куда «уважаемые господа» прибыли на переговоры со столичными официальными лицами и «все свое» привезли с собой. Дементьев вовремя остановил машину на дороге, петляющей по обрыву, кинулся к бледной женщине, уже собравшейся прыгнуть в бездну. Нет ничего плохого в том, чтобы изредка делать что-нибудь хорошее. Он привез ее домой, в тот же вечер утряс проблему с хозяевами Агаты, договорились полюбовно, без денег и кровопускания, посредством парочки «взаимозачетов». Хоть какая-то польза с полковника Вровеня, на которого он уже устал ишачить. Девушка была благодарна, как бродячая кошка, которую принесли в дом и накормили молоком. Хлопотала по хозяйству, преданно смотрела в глаза. Роза расцвела на вторую неделю, Золушка превратилась в принцессу, в доме старого холостяка обосновалась прекрасная незнакомка, влюбившаяся со всей дури в своего спасителя. Она осталась ласковой кошкой, но теперь с достоинством, с чувством юмора. Коллеги пошучивали, мол, теперь, как порядочный человек, Олег Михайлович, ты просто обязан выдать ее замуж. А он терялся в раздумьях, колебался и не мог понять, что он чувствует к этой девушке. То он рвался к ней домой с работы, то его

бесила ее преданность и исполнительность. То, занимаясь сексом с другой, он вдруг начинал себя чувствовать предателем, и это ввергало его в нешуточную ярость.

– Постараюсь прийти пораньше, ты только надейся, – проворчал он, одеваясь. Кого он хочет обмануть? Имеется серьезное опасение, что именно сегодня, в понедельник 20 августа, капитан Дементьев домой не вернется в принципе...

Мобильник сработал, когда он дул на горячий кофе и осмысливал пятничные события. Он лично в них не участвовал, но раструбили так, что эффект присутствия налицо. Если это не бред, то Кабаркуль дружно спит и видит одинаковый сон. Он раздраженно покосился на приветствующий его айфон. Вовремя начальник уголовного розыска майор Бердянский свалил в отпуск. Как добыть его теперь с Маврикия, ведь он даже трубку не берет? Тут ни капли дождя, а на Маврикии льет каждый божий день, вот сидит там и радуется. А Дементьеву отдувайся, он, между прочим, на такие неприятности не подписывался. Всю субботу недоуменно вникал в ситуацию, в воскресенье разворачивал «тылы» и «фланги», отдохнул лишь несколько часов перед трудной неделей. А тут еще маньяк сексуальный в городке выискался, если не подводит, конечно, интуиция...

– Говори, – буркнул он. – Чего надо?

– Товарищ капитан, мой долг сообщить вам, что мы нашли акваланги, – треснутым от постоянного недосыпания голосом сообщил помощник Шура Лапчик – молодой, но подающий надежды лейтенант полиции.

– Замечательно, Шура, – проворчал Дементьев. – Поздравляю. Какая редкая удача. Прошло всего лишь двое с половиной суток, а вы уже нашли акваланги. Остался суший пустяк. Как вам удалось, Шура? И что теперь, присвоить тебе очередное полицейское звание? Или орден? За заслуги перед разворованным Отечеством?

– Знаете, товарищ капитан, я тоже умею иронизировать, – обиделся подчиненный. – Вы, по крайней мере, спали. И секс у вас был. А я – хрен. Два часа урывками. Про секс вообще молчу в тряпочку, Светка скоро из дома выгонит или дублера мне подыщет, из числа необремененных работой кандидатур. Так что давайте как-нибудь... поуважительнее, что ли.

– Извинений не дожدهшься, – поморщился Дементьев.

– А употребление слова «присвоить» в данном контексте – в корне неверно, – продолжал разглагольствовать Лапчик. – Безграмотный советский новояз. «Присвоить» можно СЕБЕ чужие труды, чужие вещи и так далее. Присвоить кому-то другому – дикое косноязычие. Вряд ли, Олег Михайлович, я смогу присвоить сам себе очередное полицейское звание или даже орден...

– Ты про акваланги что-нибудь скажешь? – перебил Дементьев.

– А чего про них говорить? Акваланги как акваланги. Старинные советские аппараты «Украина-2». Каждый с двумя баллонами на пять литров. Компенсаторы плавучести отсутствуют. Регулятор один на штуку. Безнадежно бэушные вещи. Номера спилены, и проследить происхождение не удастся. На одном акваланге порван шланг и поврежден легочный автомат. Возможно, по этой причине их не использовали вторично. Долгие поиски связаны с тем, что наткнулись на это хозяйство, как водится, случайно: на острове множество мелких пещер, опер поскользнулся, схватился за булыжник, тот отъехал, и открылось благолепие. Эксперты проверят баллоны на наличие отпечатков пальцев, но что-то нам подсказывает...

– Давай без домыслов, – поморщился Дементьев. – Можешь отдохнуть три часа.

– Большое вам спасибо, товарищ капитан, – расчувствовался Шура. – Вы так заботитесь о подчиненных. А как насчет до обеда?

– Издеваешься? – вспыхнул Дементьев. – Мир рушится, а он – до обеда! Чтобы в девять часов как штык на работе! И грудью на амбразуру!

– Кстати, насчет штыка... – начал ерничать лейтенант, но Дементьев уже швырнул трубку. Передал, называется, пареньку свой опыт, теперь оба с ним мучаются.

Но телефон не унимался, опять настойчиво зазвонил.

– Это Макагон, Олег Михайлович, – устало сообщил второй помощник в звании старшего лейтенанта. – Держу пари, что вы уже не спите. Прошу прощения, Михалыч, это маленькая месть – ну посуди сам, на моей памяти это первые выходные, когда удалось поспать всего лишь полтора часа...

– Короче, Константиныч... – взмолился Дементьев.

– Всю ночь работали по значным местам и прочим пансионатам, гостиницам и мотелям. Не поверишь, узнали много нового, необычного, познакомились с интересными людьми, в том числе из мира криминала, но, полагаю, это пустышка. В общем, провели черновую зачистку. Ты уверен, что интересующие нас преступники поселились именно в городе? Что им мешает поселиться в лесу, или на острове, или, например, в соседнем Неелове, до которого полчаса на машине?

– Все, довольно блудить, Константиныч, – отрезал Дементьев. – Выспись за три часа, и в девять – на работу.

– За три часа? – изумился Макагон. – Выспаться? Ну ты фантаст, Михалыч...

Не так уж много осталось в мире людей, которым Дементьев позволял демократическое общение с собой. Этих двоих пока терпел, лишь бы дело делали. А еще ту женщину, что обосновалась наверху, в его спальне, и сомнительно, что встанет до десяти утра. Он скептически покосился на потолок. Добрый он все-таки человек...

Но у доброго человека начало пробуждаться раздражение ко всем живущим. Черные мысли в голове не иссякали. Он маршировал по огромной кухне со второй чашкой кофе, приводя в порядок голову. Хороший дом, две машины, твердое положение в определенном обществе и кое-где за пределами. Сыщик от бога, жесткий, твердый, решительный (ну позволяет иногда небольшие слабости). Послушный исполнитель высшей воли, благодаря чему, собственно, и дом, и две машины, и положение... Хотя и не только. Он сам пробился наверх своим умом, хитростью, жесткостью, а если надо, и жестокостью. Пусть оборотень, пусть типичный представитель так называемого «коррупционного клана», но он не такой, как они. Он делает свою работу, он отличный полицейский. Обладает собственной философией, а последняя гласит, что только сильные и умные имеют право выбиться в люди. Им многое позволено, именно на них еще держится эта несчастная страна. Пропади в один прекрасный день сильные и умные, она же развалится! Кто останется управлять – трусливые, корыстолюбивые чинуши, умеющие лишь грести под себя да ставить закорючки на документах? Они НИКТО! Они пустое место! Золотые слова миллионера Уоррена Баффета: «Когда наступит отлив, мы увидим, кто вошел в воду без трусов». Они все останутся без трусов! Каждый день ему приходится общаться с этой грязью, возмнившей себя князьями. Надутые, неумные, некомпетентные, думающие лишь о сиюминутной выгоде. Вампиры, живущие от восхода до отката. Да какие там вампиры – бактерии под ободком унитаза! Им и в голову не приходит, что под боком отирается так называемое население, и если не бросать ему изредка кость, то однажды не поможет никакое полицейское государство. Он ненавидел этих высокомерных, себялюбивых, самоуверенных крыс, к коим относил даже полковника Вровеня. Живет на широкую лапу и не боится, что ее отрежут. Окончательно зарвался, кичится своим богатством, уже не соображая, что воровство в России – это прежде всего наука, а эра феодализма, кто не помнит, давно закончилась.

Дементьева охватывало реальное беспокойство. Не означают ли пятничные события, что кое-кто в этом городе все же нарвался? За себя капитан Дементьев не боялся. С его достоинствами неплохо гармонировал третий дан по карате. Семьи нет, была жена, но ушла двенадцать лет назад, когда он был молодым безденежным опером и ничто не говорило о попадании в «обойму». Ребенок где-то в Кирове, он помнил о нем, иногда подкармливал, но виделся редко и не особо скучал... Но он обязан сохранять бдительность. Мало ли что. Впрочем, зеленый маячок сигнализации наглядно свидетельствовал, что покушений на дом и территорию за

истекший период не было. Одевшись, он вышел к бассейну, прогулялся до кустов, прошептал вдоль ограды, за которой был овраг, а за оврагом дорога. До моря по прямой метров четыреста по тропе через грабовую рощицу, но Дементьев не расстраивался, иногда полезно размять кости. Спустя пятнадцать минут элегантный «Опель Антара» выехал из гаража. Он проследил, чтобы по мере опускания жалюзи в дом не проникло ничего постороннего, и покатил по аллейке, засаженной белой акацией. Уже светало. Из радио доносилась попсовая муть. Капитан переключил станцию, но и там были бездарные бесы эстрады. Потыкать бы их мордами в то, что они поют. Он одернул себя, мол, прекращай злиться по пустякам. Выключил приемник и вывернул на главную улицу Росинок, мощенную приличным асфальтом. Элитный поселок еще не проснулся, машины не шныряли. Домов практически не видно, сплошные заборы – белокаменные, узорчатые, такие высокие, что с шестом не перепрыгнешь. А над заборами – непроходимая стена деревьев, даже крыши не видны. Прячутся небожители от посторонних глаз, даже своих стесняются.

Он жил на южной окраине Росинок, и каждый день, по дороге на работу и обратно, приходилось любоваться этими заборами. Дементьев прибавил газу, проскочил КПП и повернул на дорогу, касательно приближающуюся к морю. Замелькали субтропические пейзажи – бурые холмы, замкнутые пышными кустарниками, гроздя кипарисов и пирамидальных тополей, выделанные виноградники. Дорога змеилась в гору и вскоре влилась в основную, насквозь прорезающую Кабаркуль. Мелькали крыши частных владений, мелкие мастерские, винокурни. Он остановился у придорожного заведения, чтобы заправиться и добыть сигарет. Мрачно кивнул подпрыгнувшему пареньку про полный бак и, не утруждая себя оплатой, побрел в магазинчик. Заправляли Дементьева в любое время суток, и в голову людям не приходило требовать с него деньги. Но в магазине он постеснялся взять сигареты без оплаты, покупателей в ранний час обслуживала хорошенькая девчушка с карими глазками и потешно вздернутым носиком. Иногда он с ней пересекался, кивали друг дружке, улыбались. Для этой девчонки он был хорошим парнем, если хозяева заведения, конечно, не донесли, кто он такой. При взгляде на потешный носик возникали соответствующие мысли. Но ни разу не доходило до дела, вечно озабоченный, в делах, в проблемах...

– Благодарю за покупку, – улыбнулась девчушка, списав с его «хлебной карточки» сумму, эквивалентную блоку «Давидова».

– Благодарю за продажу, – отозвался он.

В девушке была загадка: даст или не даст. Разумеется, даст, но, допустим, он обычный человек и хочет познакомиться с девушкой традиционным способом? Сколько времени займет обработка? Час, день? Она почувствовала в его взгляде что-то необычайное, смутилась, опустила глаза. А он обезоружил девушку голливудской улыбкой и зашагал к машине.

Дементьев встал на вершине холма недалеко от южного въезда в город, прижался к обочине, закурил. С горы открывался чудный вид на море и прижавшийся к нему Кабаркуль. Живописные горы уступами сползали к воде, их подножия заросли лесами. Городишко было не так уж мал: три километра вдоль берега, полтора в глубину, плюс отдельно разбросанные районы (вроде тех же Росинок). Полста тысяч постоянно прописанных душ, не считая приبلудных и гостей. Причалы в центральной части, со вкусом оформленная набережная. Центральная улица Морская, наиболее красивая и презентабельная, тянулась вдоль моря вприценку к набережной. Здесь находились приличные дома, административные здания. Городской сквер, современный торговый центр, двери в который (как шутила Агата) открываются силой мысли. Параллельно Морской, ближе к горам Калашная – изобилующая зеленью и фруктовыми садами. За Калашной – улица Красных Партизан, изогнутая, нелогичная, кусками возникающая то здесь, то там, то прячется в горы, то вырывается на ровные участки. Можно часами плутать по ее зигзагам, представляя себя красным партизаном, уходящим от погони. В северной части – бедные кварталы района с незамысловатым названием «Харбин», прибе-

жище неудачников и прочих отринутых обществом элементов. Старые, осыпающиеся дома, на ремонт которых у мэрии нет денег, ветхие дороги. Навеки замолкший щебеночный карьер, полуживая трикотажная фабрика. Бельмо в глазу города, а не район. Давно пора его выделить из состава Кабаркуля, чтобы не портил внешний вид и статистику. Дай ему волю, накрыл бы район саркофагом со всеми там проживающими, а еще лучше – спалить напалмом, а на освоившемся пространстве возвести что-нибудь радующее глаз...

А в целом городок ему нравился. Это был ЕГО городок. Красивые дома, уютный райский угол. Под ногами капитана спускалась под гору южная часть Кабаркуля – непосредственно курортная зона, отели, пансионаты. Поблескивали бассейны, вились аллеи по тропическим садам. Обширные пляжные зоны, с зонтами, шезлонгами, шашлычными и прочими необходимыми для отдыха вещами. Городские пляжи все лето забиты, а вот на участке между мысом Афалина и Черепашьим оврагом, красиво прорезающим склон, на пляже появлялись лишь избранные. Здесь была закрытая зона: роскошные «камерные» отели со строгой пропускной системой, теннисные корты, отличные рестораны, сауны, SPA-салоны – все, что нужно дорогим гостям и их спутницам для нормального отдыха и деловых встреч. Песок на пляжах чистили каждый день, собирали мусор, целая армия садовников надзирала за флорой, а охранники – за всеми подозрительными... Дементьев усмехнулся, вспомнив, как разъяренные сотрудники ЧОПа «Ратибор» несколько дней назад отлавливали в закрытой зоне проституток. Целая рота размалеванных и пикантных девчонок как-то хитроумно проникла на охраняемую территорию и дала прикурить тем, кто отвечает за безопасность гостей. Отлавливали гроздьями и поодиночке, выставляли со скандалом. Самых буйных доставляли в полицию, где менты ржали как подорванные, составляя протоколы. Путаны тут роятся, как мухи над кучей навоза. Такое ощущение, что в Кабаркуле ежегодно проводятся чемпионаты мира по легкому поведению...

Он отыскал глазами безымянный каменный островок в километре от причала, и настроение сразу испортилось. Не сказать, что он забыл о проблеме, такое не забудешь, но живописные пейзажи имеют свойство отвлекать. Чертыхнувшись, капитан вновь завел мотор и покатил под горку.

Через двадцать минут он в полной задумчивости сидел на рабочем месте и систематизировал факты, гипотезы и предчувствия. Случившееся два дня назад иначе как безумием не назвать. Со столь откровенным бандитизмом он не сталкивался много лет. Ладно бы если только бандитизм. Что-то другое не давало покоя Дементьеву. Нечто подобное – а на память он не жаловался – в этой стране уже имело место. И если это то, о чем он подумал, то все ужасно.

Он вышел из оцепенения, помотал головой. Нет, лучше не накручивать, списать на ложные предчувствия. Он потянулся к чайнику, заварил кофе. До начала рабочего дня оставалось пятнадцать минут – время на раздумья есть. Итак, случилось то, что случилось. Информация о злоупотреблениях местных властей становится достоянием склонного к алкоголизму опального журналиста. Кто сливал? Ладно, это другая тема. Материалы попадают в руки лояльных людей, и клеветы Вровеня прибирают Зенкевича, без шума, пыли, с намерением ликвидировать после того, как он озвучит имя своего информатора. Но дураков заносит, вместо того чтобы обтять это дельце где-нибудь в горах, его доставляют на яхту Павла Макаровича, которая, ко всему, стоит на виду у всего города. Хоть бы головой думали, вот до чего доводит ощущение полной вседозволенности. Взбешенный Вровень так и не признался, что случилось на яхте. Его трясло, пена вырывалась изо рта, серьезный нервный срыв у человека. Прокусанное ухо, раздавленные пальцы. Все выходные он провел в окружении эскулапов в своем домене, да и сегодня на работе вряд ли появится. С оперативников спрос мал, даже нападавших не разглядели. Вся компания теперь на выброс, дебилы малограмотные... Кабы не распятая Люсьен, зазноба «шерифа», гражданка Курень Людмила Георгиевна, то не было бы никакого представления о случившемся. А так хоть что-то. По описанию злоумышленники – двое сравнительно молодых людей, мужчина с женщиной, в масках, гибкие, физически развитые, хорошо зна-

комые с основами восточных единоборств. Она слышала их голоса, уверена, что при необходимости сможет узнать. Обстоятельства разыгравшейся драмы приходилось домысливать самому. Допрос был в разгаре, журналиста мордовали без церемоний. Вероятно, Павел Макарович лично принимал участие в допросе, чтобы первым вывести имя информатора. Разумеется, не выведal – не дали. Ворвались злоумышленники, положили всех, кто находился на яхте, включая полковника. Павел Макарович упрямо не желал говорить, что случилось после того, как он очнулся, до того, как пустился в бег. Лишь злобно сверкал глазами и рычал какие-то нелепицы, несвойственные человеку с ясным умом. Пытали, издевались? Вели задушевную беседу, о содержании которой он упорно не желает сознаваться? Этот короткий отрезок времени беспокоил Дементьева больше всего. Тихушничает полковник, стыд и срам одолел. Или что-то другое? Дементьев склонялся к мысли, что между полковником и бандитами что-то произошло, возможно, он подвергся шантажу. Дементьев понял, что не выдержало сердце у склонного к алкоголизму Зенкевича, журналист умер. Под шумок полковник Вровень пускается в бег, прыгает в воду, плывет вразмашку к городу... В этом нет ничего удивительного, жить захочешь, и не так поплывешь. Павел Макарович бывший спортсмен, в молодые годы, когда работал в Красноярском УВДТ, играючи переплывал Енисей. У злоумышленников было время уйти – не такая уж серьезная поломка в акваланге. Но решили остаться, измывались дальше. Присобачили пиратский флаг на мачту. И эта глупая надпись: «Это только начало...» Наглецы явно хотели привлечь внимание к своей разрушительной деятельности! Прятались на острове, отправили в беспамятство троих патрульных, спровоцировали пальбу, в итоге завладели лодкой и с помпой убыли. Итог – полиция Кабаркуля в одночасье лишилась девяти сот сотрудников, которых придется лечить за казенный счет. Десятый – сержант Дьячков, которому в вечерней перестрелке прострелили руку – причем свои же коллеги. Потеряна лодка, потеряно шесть единиц легкого стрелкового оружия, три автомата. Одуреть! Просто Ватерлоо какое-то! Население не в курсе, но все слышали пальбу и видели погоню, по ходу которой злоумышленники красиво взорвали свое суденышко, а полиция опять подтерлась. Городок взбудоражен, наполнен слухами, люди шепчутся, детали происшествия обрастают «подробностями». Двое суток прочь, люди работают как проклятые, а воз и ныне там! Ладно, он не будет беситься и брызгать слюной, капитан Дементьев умеет управлять своими негативными эмоциями...

Старший лейтенант Макагон Зиновий Константинович явился в девять как штык. Правда, штык был потухший, помятый и неглаженный. Вечно несвежий, уже за сорок, он явно засиделся в старших лейтенантах. Ворчливый, но в принципе исполнительный, с гибкой моралкой. Красавцем он не был, один бугристый нос чего стоил, но отхватил себе жену-красавицу на десять лет моложе и в последние месяцы терзался подозрениями, что у него в постели появился дублер. Проводимые расследования завершались ничем, но от этого подозрения лишь усиливались. Человек страдал, изводил себя, что не всегда благотворно сказывалось на работе. «Возьми отпуск на пару недель, свози благоверную на юг, и все рассосется. А мы потерпим», – посоветовал однажды Дементьев. Макагон задумался по поводу «юга», а потом резонно спросил: «А мы где?»

– Ты, Константиныч, прямо как из глубины веков, – подметил Дементьев, созерцая земليстую физиономию подчиненного. – Гель для душа подменили?

– А чьими молитвами? – проворчал офицер. – Ты приказал, Михалыч, явиться на работу, вот и явился какой есть. Слушай, я тут сложил одно с другим... – Макагон задумался, стоит ли продолжать. – В общем, помнишь историю в Подмоскovie годичной давности? Парень и девка обозвали себя мстителями и в течение пары недель трепали нервы чиновникам города Качалова. Измывались, заставляли признаться в злоупотреблениях, снимали все на камеру, а потом выкладывали в Интернет. Тот еще разгулай – в общем, нагнали жути. Ловили, ловили, ни хрена не поймали. Так называемая сетевая общественность их горячо поддерживала. Шороха навели – Чикатило такого не наводил. Несколько месяцев прошло – и в Н-ске зажглось. А Н-ск – это

не вшивый Качалов: глыба, полтора миллиона душ. Работали те же парень с девкой, затерроризировали город напрочь. Ловили их уже чекисты и опять ни хрена не поймали. Интернет гудел, каждую акцию эти поганцы снимали и выкладывали в Сеть. Две недели полного ужаса, и это в городе, набитом чекистами и нашими коллегами. Прошло от силы два месяца, и вот уже Восточная Сибирь в центре внимания, новогодние, так сказать, метаморфозы... Михалыч, ты чего так смотришь? – Макагон испугался и на всякий случай спрятался за стол. – Ты как маньяк, ей-богу...

– Продолжай, Константиныч... – скрипнул зубами Дементьев. Он не любил, когда подчиненные умничали и делали такие же выводы, какие делал он.

– Ну так это... – смутился помощник. – Прости, Михалыч, не поверю, что ты не думал об этом же. Героев год назад определили во всероссийский розыск. Последние полгода – тишина, вроде бы ушли на заслуженный покой... Да, в Сети пока тихо, – признал Макагон. – Но еще не вечер. Нехорошие предчувствия, командир. Можешь, конечно, орать, но ты же умный, задумайся. По уверению Люсьен, эти двое – мужик и баба. Вылитые ТЕ. Ну или канают под тех. В общем, извиняй, командир, – подчиненный вздохнул. – Время, конечно, покажет, но что-то подсказывает... Две новости, в общем. Одна плохая, другая хорошая. Плохая – у нас назревают проблемы. Хорошая – если мы поймаем так называемых мстителей не где-нибудь, а в нашем городе, будет серьезный повод для гордости.

– Дурень ты, Константиныч, – хрипло перебил Дементьев. – Если мы поймаем этих поганцев не где-нибудь, а в нашем городе, у кого-то будет повод задуматься, а почему они прибыли именно сюда?

– Не без этого, – согласился Макагон. – И все же, Михалыч, как насчет упреждения? Можем ошибаться, но что мы теряем? Имена преступников – Никита Россохин и Ксения Левторович... Ну их настоящие, разумеется, имена. Портреты мы получим через пару часов с помощью коллег в пострадавших районах. Их как бы нет, они еще не обозначили свое присутствие, а мы уже расставляем сети. Сколько голодранцев в этом городе, Михалыч, на тебя пашет?

– Слушай, умник, – Дементьев раздраженно крикнул, – во-первых, ты опережаешь события. Накаркаешь – лично взгрею. Во-вторых, наши люди и ты сам две ночи просеивали город – признайся, встречали хоть что-то похожее?

– Молодежь под ногами путалась, – туманно выразился Макагон, – но мы искали, не зная кого, согласись, Михалыч. А если поиски примут адресный характер? С учетом того, что эти ублюдки способны менять свою внешность.

– Ладно, сядь и не отсвечивай. – Дементьев поморщился и ткнул пальцем в дальний угол. – Дай подумать.

– Черт, я опоздал... – констатировал непреложный факт молодой лейтенант Шура Лапчик, вторгаясь в отдел и косясь на часы.

– И что, штрафную тебе налить? – угрюмо покосился на него Дементьев. Хрюкнул Макагон в углу. Дементьев резко повернул голову – эти люди постоянно забывают, что хорошо смеется тот, у кого есть зубы.

– Было бы неплохо, товарищ капитан, – признался двадцатилетний парнишка с немного сморщенной кукольной физиономией и светлым пушком на подбородке, который решительно не желал сбривать. – Виноват, исправлюсь, спать хочу. – Он плюхнулся на стул и соорудил страдальческую физиономию с налетом легкой придурковатости. – И на хрена я родился? Есть одна у опера мечта, товарищ капитан, – выспаться.

– Счастливчик, – вздохнул Макагон. – Так мало человеку нужно для счастья. Вот мои мечты, например, суммировать – на пару пожизненных потянут.

– Выходные прошли насмарку, – сурово констатировал Дементьев. – Отдохнуть не вышло, работа тоже стоит. По пятничным безобразиям мы не продвинулись ни на метр.

– Так выходные же, – вздохнул Лапчик. – Работать в выходные, товарищ капитан, так же глупо, как наводить порядок в гараже. Хоть из кожи вылезь, а никуда не сдвинешься. Нет, нам, конечно, жаль, что с товарищем полковником и его людьми случилась эта неприятная история... И журналиста жалко, мир его пуху, земля ему прахом... – Шура задумался, все ли правильно сказал, покосился на Макагона, тот решительно замотал головой и приложил палец к губам, дескать, не доводи до начальственного гнева.

– Кстати, по пятничным безобразиям, – смело продолжал Шура. – Позвольте кроху собственного мнения, товарищ капитан? Возможно, вы помните об одной нашумевшей истории с продолжением, случившейся около года назад. Тогда в подмосковном городе Качалове...

– Заткнись, а? – вспыхнул Дементьев. Шура замолчал, уставился на него с неподдельным испугом.

– М-да уж, – с ухмылкой констатировал из угла Макагон. – Дурная идея пришла в две головы одновременно.

«В три», – мрачно подумал Дементьев.

– Что у нас с убийством Ростовской? – проворчал он.

Шура чуть не поперхнулся. Жалобно уставился на шефа, сглотнул.

– А вы как будто не знаете, товарищ капитан. Дело ведут Дегтярь и Муртазин. Лично мы в этом кошмаре – сбоку припека. Результаты экспертизы пока не готовы, ищутся свидетели, восстанавливаются последние часы жизни покойной...

– И это все, что вы сделали за четыре дня?! – взвился Дементьев.

– Прошу прощения, Михалыч, ты несправедлив, – откашлявшись, пришел на помощь коллеге Макагон. – В этом деле много неясного и чувствуется почерк психически неуравновешенного человека. Явная мотивация не просматривается. Не хотелось бы каркать, но пахнет серийным маньяком. Мы можем, если нужно срочно закрыть дело, назначить стрелочника, а заодно закрыть еще пару «глухарей», но подумай сам – оно нам надо? Случится повторное злодеяние, и попадаем в некрасивую историю. Придется оправдываться и искать нового стрелочника. Как ни крути, Михалыч, а надо вылавливать натурального злодея. Случай жутковатый, не было у нас еще такого... – Макагон невольно передернул плечами, а Шура, погрузив голову в плечи, подтвердил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.